

Эна Эсная

ОСТОРОЖНО:
ЗЛАЯ
ИНКВИЗИЦИЯ!

Яна Ясная

Осторожно, злая инквизиция

«Яна Ясная»

2021

Ясная Я.

Осторожно, злая инквизиция / Я. Ясная — «Яна Ясная», 2021

Когда в Крапивин приехала Инквизиция, я поняла: Судьба повернулась ко мне задом! И каким задом! Я бы даже сочла, что это чрезвычайно мило с ее стороны, если бы к шикарному заду орденского дознавателя не прилагалась стопка трупов, горстка покушений и принудительное человеколюбие в извращенной форме.

© Ясная Я., 2021

© Яна Ясная, 2021

Содержание

Глава 1	5
Ксения	5
Глава 2	16
Максим	16
Глава 3	24
Ксения	24
Глава 4	36
Максим	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Яна Ясная

Осторожно, злая инквизиция

Глава 1

Ксения

В магазин я ввалилась в состоянии повышенной раздражительности. Люди – идиоты и не лечатся, это не секрет, одна я тут красивая в белом пальто стою, но что-то сегодняшний уровень моей злобности удивлял даже меня.

Хотя меня мои таланты обычно не удивляют, я в свои силы верю.

Приятный полумрак, витрины, заполненные загадочными и чудодейственными предметами, и витающая в воздухе смесь множества ароматов – запах, характерный для мест, где торгуют благовониями. Интерьер, может быть, на любителя, но мне нравится.

Он стоял в торговом зале к витринам передом, к лесу, то есть ко мне, задом.

И каким!

Да там весь арьергард заслуживал доброго слова и вдумчивого женского взгляда: шикарная выправка, великолепный разворот широких плеч, узкая талия (мамка-ведьма, роди меня обратно!) и ноги. Ноги! Длина и двуглавые мышцы бедра (с прокачанной ягодичной мышцей, опять же) радовали сердце и улаживали взор.

Высокий. Темные волосы облагорожены короткой стрижкой.

И затянуто все это великолепие в деловой костюм.

Вид – аж сердечко прихватывает. Хватать и трахать.

Потому что аура вокруг него такая, что продавщица Леночка, краснея, и бледнея, и трепеща ресницами, будто сейчас взлетит, старательно расписывает ему разницу между одной неработающей фигней и другой неработающей фигней, а тот внимает. И девичье сердце млеет, и флюиды любви затопили все на свете, хоть прямо из воздуха черпай и в банки для приворота закатывай. И зачерпнула бы, да приворот – это незаконно, и при инквизиторе, пожалуй, этим заниматься не стоит.

– Добрый день! – с садистским удовольствием прервала я щебет наемной работницы (не для того я ее нанимала, чтобы ее потом всякие-якие окучивали!).

Развернулись оба. Леночка предъявила начальствующему взору порозовевшие щеки и блестящие глазки (от трудового энтузиазма, да-да!), а гость...

– Ксения Егоровна? Уделите мне несколько минут.

Он показал вынутое из нагрудного кармана удостоверение, на которое я даже не взглянула, потому что одновременно с этим движением морок на его груди поплыл и открыл взгляду бляху инквизиторского медальона.

Зря старался, кстати. Нормальная ведьма инквизитора чует ж... жизненным опытом.

Стоящая рядом Леночка, кстати, даже ухом не моргнула на возникшую из ниоткуда здорвенную золотую блямбу. Вот что значит – качественный, многослойный морок.

Не говоря ни слова, я развернулась к неприметной двери из торгового зала в мой кабинет, ничуть не сомневаясь, что гость от инквизиции последует за мной.

И правда – последовал.

– Брат Максим, – представился он, когда дверь закрылась.

Пф-ф-ф, милый, если бы у меня были такие братья, я бы в дурку уехала! Это ж натуральное «видит око – зуб неймет»!»

– Я к вам по делу.

– Приворотами не занимаюсь! – отрезала я, все еще пребывая в глубоких сожалениях о напрасно распыленном в воздух материале.

– С инспекцией.

– При инспекции тем более не занимаюсь!

– Что, совсем? – иронично уточнил он, чуть ощутимо дрогнув углом рта в улыбке, и у меня натурально ослабели колени.

Исключительно от беспокойства, само собой: заметил, с-с-скотина, мой взгляд тогда на входе. Эти все замечают.

– Дались вам эти привороты, многоуважаемый Максим... Как вас по батюшке? – мурлыкнула я нахально. – Зачем они такому привлекательному мужчине? Но так уж и быть, для вас любой каприз в обмен на indulgence!

Вопрос об отчестве он пропустил мимо ушей столь же непринужденно, сколь я предложение обращаться к нему «брат».

Вы посмотрите на них! Братья, ну надо же!

Двадцать первый век на дворе, свободное общество и светское государство! И я готова признать за инквизицией определенные права – ровно те же, что за полицией и другими органами государственной власти. Но признать инквизицию выше себя – нет.

Сегодня они хотят, чтобы я с почтительным «брат» склоняла голову перед заезжим инспекторишкой, а завтра что?

На колени потребуют встать?

Нет уж! Я готова звать инквизитора по имени-отчеству, уважаемым и с любой другой принятой в обществе формулировкой. Но никаких братьев. Никаких отцов.

Я прошла за стол на свое рабочее место, ткнула в кнопку запуска на системнике, выдернула с полки бухгалтерский скоросшиватель с накладными и демонстративно шлепнула его на стол перед Максимом Батьковичем.

Системный блок мерно шуршал вентиляторами и хрен его знает чем еще, пробуждая рабочий компьютер.

Инквизитор задумчиво листал документы, не изучая, а так, ознакомливаясь: накладная на индийские благовония соседствовала с накладной на китайские амулеты, а им обеим компанию составляла накладная на славянскую ведическую литературу.

Ничего из этого к собственно магии отношения не имело.

Наконец компьютер загрузил торговую программу, я распечатала ведомость по остаткам и громко хлопнула ею перед инспектором:

– Прошу! Вперед!

Он только бровь приподнял: мол, что это вы, Ксения Егоровна, себе позволяете?

А я мгновенно разозлилась: я, мил мой человек, еще ничего себе не позволяла, но непременно позволю все! Однако тормоза пока еще держались, и потому, вместо того чтобы наорать на инквизитора (плохая идея!), я насколько могла любезно фыркнула:

– Все ваши предшественники начинали плясать от печки – с инвентаризации. Где желаете устроить пляски в первую очередь – в торговом зале или на складе?

– Ксения Егоровна, – вздохнул Максим без отчества (не брат ты мне!). – Я не по этой части. Меня не волнует ваше уклонение от налога на оккультную деятельность.

Я моментально подняла перья: да достали вы меня уже со своим мифическим уклонением! Но не успела обрушить на голову инквизитора гневное: «Нет, не было и докажите, перед тем как бросаться обвинениями!», потому что он продолжил:

– Я приехал расследовать серию ритуальных убийств в вашем городе. Что вы можете сказать об этом как местная Хозяйка?

Обычно такие заявления вызывали во мне острое желание орать на убогих, топтать ногами и швыряться тяжелыми предметами, и я даже окинула гостьюшку дорогого взглядом, примеряясь: инквизитора было много, целиться – сплошное удовольствие. Именно это я и могла бы сказать.

Кое-как разогнав мечтания, я в сотый, тысячный, миллионный раз озвучила наиболее дипломатичную из мыслей:

– Скажите, вы ваш инквизиторский медальон в киндер-сюрпризе нашли? Когда экзальтированные тетки и эксцентричные подростки вещают о Кругах, шабашах и их Хозяйках, это я еще могу понять. Но когда эту чушь вслух повторяют грамотные люди, мне становится неловко за отечественную инквизицию. Я этому городу не Хозяйка. У этого города нет Хозяйки.

Спич, полный сарказма и капающего с клыков яда, не произвел должного впечатления на инквизитора. Он разглядывал меня с интересом, как энтомолог-исследователь – любопытное насекомое, но не более, и тем самым будил дикое желание доказать мерзавцу, что я не насекомое, а вовсе даже млекопитающее. Например, скунс.

– Отчего же нет? – вкрадчиво, благожелательно поинтересовался инквизитор. – Вы отпрыск древнего ведьмовского рода. В этом городе семьи старше не найдется. Инквизиция вашу кандидатуру одобряет. И вряд ли в городе или в его окрестностях найдется ведьма, готовая бросить вам вызов за главенство.

– Сказать вам, куда инквизиция может засунуть свое одобрение? – я внезапно успокоилась и попросила. – Выньте, пожалуйста, затычки из ушей и услышите меня уже. У этого города нет Хозяйки. И у соседнего нет. И у Великого Новгорода. И у Москвы. И у столицы всего ведьмовства, Киева, – тоже нет. Возможно, есть женщины, называющие себя таковыми. Но Хозяек – нет. Точка. Времена шабашей прошли. Хозяйки остались в прошлом. Вместе с шабашами.

Теперь-то он выглядел не на шутку заинтересованным, этот Максим, зовущий себя моим братом: нос с горбинкой, глаза с прищуром, локти на столе, пальцы переплетены, на мизинце взблескивает перстень-печатка, и сам он чудо как хорош... Вот только разговор наш смысла не имел.

– Почему? Почему вы так упорно отказываетесь от этой должности? Ведь она многое вам дает. Власть. Статус. Право! – голос инквизитора звучал вкрадчиво, обволакивая меня.

Но я девушка не мелкая – меня попробуй обволоки.

– Обязанности, – подсказала я. – Мне понятны мотивы вашей богоспасаемой организации, многоуважаемый Максим. Вашим иерархам за каждой ведьмой в захолустном городишке вроде нашего учет и контроль вести не с руки. А поставил жупел в виде дутой Хозяйки – и вроде как порядок. А ею одной вертеть куда как легче. Но вот только Хозяйкой невозможно назначить, дружок мой, многоуважаемый Максим. Это уникальная совокупность личных качеств, сил и – я сделала глумливую паузу – пройденных обрядов. О которых ныне и представления не имеют. Вот то Хозяйка, правильная, настоящая. Она из шабаша выходит, от шабаша силу берет – шабашу и служит. Ее своя земля питает. А те дурилки картонные, которых ваши отцы по местам распахали, – так, административные единицы, не более. И подчиняться им или нет – дело для каждой ведьмы сугубо добровольное. И дуры те, кто этого не знает.

– Да вы, Ксения Егоровна, анархистка! – снисходительно восхитился собеседник.

– Тревожно. Тревожно становится за судьбы родной инквизиции при виде лучших ее представителей, – вернула любезность я и растянула губы, изображая вежливую улыбку (или мерзкую гримасу, это уж кто как назовет).

– И все это было – во-первых. Во-вторых – что еще за чушь про ритуальные убийства в моем городе? И не надо корчить рожи, «Мой город» означает, что я тут живу. Я тут родилась.

Скорчить рожу, правда, инквизитор Максим не успел, а может, вовсе не планировал, но предоставлять ему такого шанса я и не собиралась, нанесла удар на упреждение. Упредила так упредила – тот даже не попытался изобразить улыбку.

Ну и правильно. Терпеть не могу конкуренции.

Несколько секунд смотрел на меня, то ли изучая, то ли давая понять, что я зарвалась.

– Ксения Егоровна, что вы знаете о серии убийств в вашем городе? – задал он наконец вопрос по итогам внутричерепной конференции с самим собой.

Я призадумалась – а сыр во рту держала. Вернее – но ненадолго. Надолго задуматься у меня бы и не получилось, без опыта-то.

Крапивин – город маленький, всего-то двести пятьдесят тысяч душ населения. Жаркий юг нашей необъятной Родины в той ее части, где она еще не курорты, но уже и не средняя полоса. Так, серединка на половинку, триста с лишним лет истории.

С одной стороны, убийств тут, конечно, все равно хватает.

С другой стороны – это все больше банальная поножовщина да бытовуха, а вот чтобы сериями, это нет, этим у нас не балуются.

Так что долго «призадумываться» тут было не о чем... И я честно ответила на заданный вопрос:

– Ни-че-го.

И, поразмыслив еще немного, прибавила:

– Я о ней вообще впервые слышу. А не путаете ли вы чего, многоуважаемый Максим? Не подумайте, что я сомневаюсь в компетентности ваших источников – хотя я-таки сомневаюсь, но не будем об этом, – но наши масс-медиа информационными поводами не избалованы. Если бы в городе завелся серийный убийца, СМИ вопили бы на эту тему из каждого утюга.

– И тем не менее с сентября прошлого года в вашем городе были зарезаны три молодых женщины, – инквизитор упорно хранил каменную физиономию, хотя я на пену изошла в попытках его зацепить и вывести из себя. – Все убитые были разного возраста, типа внешности и социального положения. Тела обнаружили в разных местах и при разных обстоятельствах. Орудие убийства ярко выраженных особенностей не имеет. Способ убийства тоже сложно назвать уникальным. У следствия не было никаких причин объединять эти случаи в серию – как и у журналистов.

– А у вас есть, – уныло поняла я, ж... жизненным опытом чувствуя, что сейчас инквизитор скажет мне феерическую гадость и разом переплюнет все мои старания по выведению его из себя.

– А у нас есть, – согласился инквизитор.

Как пить дать, какой-нибудь долбоклой надумал поиграть во Властелина Тьмы, Отворяющего Врата Отцу Страданий. Раз традиционное следствие не сделало стойку на следы ритуалов вокруг убийств, а нетрадиционное, как раз наоборот, возбудилось, то отметился в этом не просто долбоклой, а из наших. Ну что за поганое утро, а? Ну просто хуже быть не может!

– Эти убитые женщины были магически одаренными.

Опа.

Может.

Да ну, чушь какая-то!

– Это невозможно, многоуважаемый Максим! Чтобы одна за другой были убиты три ведьмы, а сообщество ни сном, ни духом? Да у нас на весь город, может, десяток колдовских семей наберется, а вы мне хотите сказать, что такая убыль могла пройти бесследно?

Гнев мой рухнул на инквизиторскую голову штормом. Я в одно мгновение забыла про опасливую сдержанность и здравую осторожность, показанную ведьмам в общении с инквизицией.

– Вы что, думаете, мы тут позволим резать себя, как кур? – я все повышала голос, хлестала его словами. – Вы думаете, вы там одни умные, а мы тут идиоты? За кого вы меня принимаете? Что за идиотскую сказочку вы мне рассказали? Это попросту невозможно!

Сила бушевала вокруг меня, невидимая, но достаточно ощутимая, чтобы любой здравомыслящий человек остерегся связываться с истерящей ведьмой.

– Итак, Ксения Егоровна, что вам известно об этих женщинах? – голос инквизитора, по сравнению с моим ором, казался особенно спокойным.

Тьфу, напасть! Да что ж ты такой непробиваемый?!

Я с трудом сдержала досаду и сгребла со стола фотографии, которые этот пень стоеросовый неторопливо выложил в ряд.

Три женщины, ни с кем из них я знакома не была. Снимки явно посмертные.

Личности жертв что, не установили?

Этот вопрос я задала вслух.

– Ну почему же, установили. Но вам, Ксения Егоровна, придется поднять также свои источники и выяснить, кто же на самом деле были эти девушки и почему их могли убить.

Мне?! Да с какой это стати?

Я надменно выгнула бровь, без слов уточняя: а не отправиться ли тебе в пешее эротическое, многоуважаемый Максим, возглавив при этом всю вашу бравую инквизиторскую братию?

– Вы ведь здесь сильнейшая ведьма, – вкрадчиво намекнула мне эта харя, вместо того чтобы пойти, куда послали. – Разве не ваш долг – защищать сестер?

– С чего бы это? Разве это не ваша обязанность? – неподдельно изумилась я, аккуратно собрала фотографии в стопочку, обстучала ее, выравнивая края, и демонстративно положила перед инквизитором.

Скандал заходил на новый виток. А фраза «Я не обязана!» звучит куда выигрышней позорного признания «Да нет у меня никаких источников!».

– Мне их, конечно, жалко, – со сдержанным достоинством продолжила я, – но расследованием должны заниматься профессионалы. И я крайне возмущена: куда смотрит инквизиция?! За что мы платим налоги?

– Вы – не платите, – парировал визави.

– Плачу! – мигом подняла я иголки, потому что это была старая кость, которую мы не первый год грызли с Орденом.

– Не платите, – видя, что я собираюсь отстаивать свою финансовую порядочность, он неприятно улыбнулся. – То, что вас до сих пор не прижали с вашим уклонением, означает только то, что за вас еще толком не брались!

Ха! Хах! Да как же – не брались! Да у меня этих ваших инквизиторских инспекций было больше, чем налоговых! Да я! Да вы! Да у меня!..

Меня до белого каления доводило то обстоятельство, что единственный аспект, в котором я была чиста, как слеза младенца, подвергался неустанным нападкам.

Времена нынче настали просвещенные: инквизиция не жжет ведьм на кострах, она облагает их налогом. Называется он «налог на оккультную деятельность», и платят его все, кто использует ведьмовской дар для получения прибыли, в размере десяти процентов от оной. (Сколько просвещенных названий не придумывай, а десятина была – десятиной и осталась.)

Те же члены ведьмовского сообщества, что не практикуют за плату (исчезающе малая часть из них и правда не практикует), платят символический «ведьмин взнос» в одну золотую монету в год. Плата скорее ритуальная, чем обременительная, – лично я ежегодно покупаю самую дешевую в ближайшем отделении зеленого банка и торжественно вручаю явившемуся за мздой инквизитору.

Мне не раз и не два намекали с кислым видом, что я вполне могла бы воспользоваться безналичным расчетом, но, начав соблюдать традиции, трудно остановиться.

К тому же всегда приятно взглянуть в глаза человеку, который пилил из прекрасного далека в наши не избалованные приличным асфальтом края ради моего взноса, и прочитать во взгляде все, что он обо мне думает.

Остальные плательщики, не выпендриваясь, переводили денежный эквивалент по курсу и тихо радовались, что не надо иметь дела с представителями Ордена лично.

Но тут есть одна маленькая деталь: я на самом деле не торговала своим даром. Принципиально. Никогда. Соответственно, любые попытки меня на этом подловить были обречены на провал, а значит, я могла позволить себе выкобениваться сколько душенька желает.

Многоуважаемый Максим смотрел на меня таким серьезным, умным и укоряющим взглядом, что я тут же поняла, насколько плохо поступаю, заставляя хорошего и занятого человека попусту тратить время, и угрызлась совестью.

Угрызлась бы – если бы не выдрессировала ее давным-давно, на заре розовой юности.

Поэтому вместо совести все эти увещевания и взывания к лучшим чувствам разбудили во мне здоровый цинизм.

Будем честны: инквизиция всегда была не прочь въехать на чужом горбу в рай. Вот и сейчас с прекрасной в своей наглости непринужденностью пытается свалить на меня свою работу.

– У вас ко мне есть еще вопросы? – светски поинтересовалась я. – Может быть, все же инвентаризацию?

– Ну что вы, как можно! – оскорбился мой гость, шевельнув пальцами, и на мизинце снова блеснул перстень с рельефным узором. – У меня ни предписания для подобной работы нет, ни разрешения!

– Тогда будьте любезны, – я недвусмысленно указала ему на выход.

Ибо нечего тут!

У меня и без всяких залетных дел по горло!

Уносите прочь, многоуважаемый Максим, свой нос, взгляд и подтянутую задницу, не отвлекайте занятую женщину!

И демонстративно уставилась в монитор компьютера: электронный магазин сам себя не обслужит, знаете ли.

– Ксения Егоровна, хорошо, вам не жаль сестер по ремеслу, – проигнорировал мой посыл этот не-брат Максим, разглядывая меня со все тем же естествоиспытательским интересом, – Но вы не боитесь, что убийца может и к вам прийти?

Пф-ф-ф, не мытьем так катаньем, да, дорогой? Не вышло на чувство долга поймать – будешь на страх за свою шкуру ловить? Нет уж! Тем более что мне было что на это ответить:

– Пусть приходит, – со все той же безупречной любезностью отозвалась я, стремительно стуча пальцами по клавиатуре. – У меня как раз интересная индульгенция завалилась...

Я на секунду замерла, внимательно перечитывая текст сообщения.

И только потом договорила:

– На снятие живой человеческой кожи!

И резко поставила точку в разговоре – и в реале, и в сети, одним звонким нажатием клавиши «энтер».

Инквизитор стиснул зубы, перекатил желваки. Встал, поправил пиджак.

– До свидания, Ксения Егоровна.

«Пропади ты, стерва, пропадом!» – безошибочно прочитала я в этих словах.

Дверь, выходя, он, впрочем, прикрыл чертовски аккуратно – отравив мне тем самым миг сладкого торжества от того, что я его все ж таки пробила.

Ну что за люди в этой инквизиции, а?! Непременно им надо испортить чужой триумф!

В Средние века, в темные-темные времена, в которые инквизиция отчаянно пыталась внести хоть малую толику света и для того густо-густо уставила кострами Европу и чуть пореже – Русь-матушку, практиковал сей славный Орден выдачу индульгенций. В том числе – и ведьмам. Им, правда, не за плату, а лишь за весомую помощь в деле поимки своих совсем уж зарвавшихся сестер по ремеслу.

К слову сказать, иных из «сестер» вовсе не грех было сдать святым отцам.

Ну да речь не о том.

То противостояние, длившееся не одно столетие, закончилось в итоге – даже не позорным поражением одной из сторон, а вроде как перемирием.

Инквизиторы и маги более-менее пришли к согласию, обязались обоюдно хранить тайну существования магии, ведьмы и колдуны очертили границы, за которые они более не переходят, инквизиция приняла свод правил, по коему обязывалась не тянуть их в пыточные и на костер по собственному произволу...

Паритет.

Правда, инквизиция в итоге все равно оказалась сверху. И лишь одно отравляло им осознание победы.

Индульгенции. Те самые, раздаваемые когда-то во множестве.

Беда в том, что они, большей частью, не имели срока давности, как и имени предъявителя, и наши, кто поумнее, не спешили пускать их в дело, и так они хранились веками, передаваясь от родителей к детям.

Прошло полтысячелетия с тех пор, как полыхали костры испанской инквизиции, мир безвозвратно переменялся, сама инквизиция из религиозного ордена стала светской организацией, разветвленной структурой, в которой обращения «брат» и «отец» остались лишь данью традиции...

А нет-нет да и всплывают до сих пор документы, дарующие предъявительнице право на то, что и в Средние века было деянием сомнительным с точки зрения морали и нравственности, а уж в наше время и вовсе... Дичь, от которой шевелились волосы. Вроде права взять «живую» человеческую кожу и применить ее в дело – а «живой» кожу называли, если что, за то, что снимали ее отнюдь не с трупа. Очень, очень сильные артефакты можно на основе такого материала сотворить.

Очень, очень грязная магия.

И именно на нее одна из моих «пра-» (и еще много раз «пра-») бабок когда-то получила дозволение от тех, чьи права и обязанности унаследовал мой сегодняшний гость.

Мой удар был ниже пояса: инквизиция ненавидела эти проклятые бумажки, ее представители шли на многое, лишь бы их как можно меньше осталось на руках, готовы были их выкупать и обменивать на льготы...

Вот только, пусть многие из индульгенций и содержали в себе разрешения на такие вещи, которые ни один нормальный человек не станет делать, вне зависимости от наличия либо отсутствия позволения, пусть инквизиция и предлагала действительно весьма привлекательные условия, выпускать из рук эти средневековые писульки колдовские семьи не спешили.

Индульгенции, несмотря на всю свою бесполезность с точки зрения магической практики, хранились бережно, трепетно, давно превратившись в весомый козырь на случай неприятностей с Орденом.

Мало ли что в жизни случится.

И в моей семье тоже хранили.

Но все же, до чего хорош, подлец!

Сытый, уверенный в себе. Олицетворенное самообладание как оно есть – и огонь, тлеющий под гнетом самоконтроля.

Что скрывать – нравились мне такие, как этот многоуважаемый Максим.

Подбери слюни, подруга, тебе до такого мужика еще килограмм пять-десять лишних нужно сбросить!

...а если ради мужика нужно что-то сбрасывать – то в топку такого мужика, потому сбрасывать что угодно нужно только ради себя!

Придя к такому выводу, я решительно свернула рабочие окна и направила стопы свои (а с ними все прочее тело свое) в торговый зал.

Надо бы Ленке мозги вправить на тему инквизитора. А то уж больно она млела.

Своего продавца я застала созерцающей сквозь витрину мини-парковку перед магазином – ту самую, с которой только что отбыл инквизитор.

И только я открыла рот, чтобы сделать сотруднице внушение на тему «Любезничать – любезничай, а откровенничать – ни-ни!», как она выдала:

– Козел. Из налоговой, что ли?

Я закрыла рот с той стороны – как говаривали в одном сериале.

– С чего ты взяла? – осторожно уточнила, опомнившись.

– Чую! – мрачно отрезала Леночка.

Да не-е-е, быть того не может!

На всякий случай перепроверила: точно, не ведьма!

Спокойно, мать, не только ведьмы имеют право на наблюдательность и жизненный опыт!

– Не важно, – отрезала я и перешла ко вкрадчивому тону, который, как правило, не сулил ничего хорошего. – Лена... Почему у нас витрины не протерты?

Текучка кадров у меня огромная: четыре-пять месяцев, и продавец сбегает, не выдержав постоянных придирок, скандалов и нападок на ровном месте. Ленке еще месяца два нужно, не меньше.

Дольше всех продержалась Ленкина предшественница, Марина, – десять месяцев, почти год.

Маринка, правда, как только поняла, что с ней случилось долгожданное чудо и она забеременела, порывалась уволиться, не дожидаясь декрета, и свалить подальше от меня – и подальше от нервотрепок, соответственно.

Но я ее вялые попытки к бегству, не церемонясь, задавила авторитетом: тащить на себе чужую беременность и так занятие очень на любителя, я для того, что ли, ее силой по макушку накачивала, чтобы она потом не доносила? Врачи и так смотрели как на чудо и дышать боялись.

И ничего, доработала Мариночка как миленькая, через день да каждый день умываясь соплями, и, хоть дважды пыталась подsunуть мне липовую справку из женской консультации, в декрет ушла строго после тридцати недель... И так и не поняла, отчего в домашней тишине и покое ее самочувствие резко ухудшилось, а всего через неделю умчалась в роддом на скорой и явила миру хотя и недоношенного, но вполне жизнеспособного мальчишку.

От меня же до сих пор шарахалась как черт от ладана, вызывая тем самым в моей черной душе приступы легкого самодовольства: ну вот умею я людям нравиться!

Вот и сейчас, устраивая Ленке обидный и несправедливый разнос, я словно бы располовинила свое сознание на две части: одна увлеченно орала, плевалась ядовитыми словами в молодую женщину, которой некуда было от этого деваться, а вторая отстраненно и хладнокровно нагнетала в реципиента энергию, параллельно пресекая попытки собственного организма обернуть процесс вспять и откусить немного от чужих жизненных сил.

Честно говоря, как лекарь я ниже плинтуса: все мои умения исчерпываются целебным приемом «накачай пациента по уши, чтоб аж булькало, а там, глядишь, организм и сам выкарабкается».

Методика паршивая, потери при передаче просто гигантские – а что делать? Мне же надо стравливать куда-то излишек силы, раз уж уродилась ведьмой!

Быть стервой удобно. Это от многого защищает.

Давным-давно, когда наши предки заключали мировое соглашение с инквизиторами, они проиграли, позволив навязать себе условие, по которому обязывались хранить тайну о существовании магии.

И поклялись.

И такие силы были тогда призваны в обеспечение клятвам, что и по сей день находится не много желающих нарушить те давние договоренности ни по эту сторону, ни по ту – недаром Орден всего лишь старается выманить индульгенции где добром, где интригами, но никогда не пытается нарушить договоренностей.

Разве могли они, тогдашние, принося клятвы за себя и своих потомков, предположить, как изменится мир?

Что его насквозь пронзят дороги и провода, оцепят спутники, прострелят камеры и видеорегистраторы и заполонят телефоны.

В этих условиях «сохранить магию в тайне» равняется «не использовать магию».

А характер ведьмовской силы таков, что не использовать ее нельзя. Не находя применения, она давит носителям на мозги, портит и без того мало у кого идеальные характеры, подталкивает к опрометчивым решениям и поступкам.

Хорошо тем, чьи таланты лежат в созидательной области: прогулялась какая-нибудь целительница в лесок поглубже, размяла ноги, и пусть в том, что растительность прет как сумасшедшая, радиационные дожди обвиняют.

Всевозможным ясновидящим и гадалкам и вовсе почти в открытую практиковать позволяют, лишь бы не нагтели и не забывались. У тех и вовсе из опасностей – как бы серьезные люди не поверили в их силы настолько, чтобы пожелать себе предсказательницу в частную собственность, да и не уволокли в какой-нибудь тихий угол, дабы подвесить на крюк за ребро для обеспечения лояльности, ну так это привычный профессиональный риск, издержки специальности.

А что делать тем, чьи склонности далеки от созидания, а имеют прямо-таки противоположный уклон? Куда стравливать излишек – так, чтобы за это к инквизиции в застенки не угодить да и самой себе не опротиветь?

Я вот все больше в порчах и проклятиях сильна.

Так уж вышло, что сила, доставшаяся мне в семейное наследство, в реалиях современного мира совершенно не практична. В прямом смысле слова: ей трудно найти практическое применение.

Лезть в большой бизнес, где всегда найдется кого проклясть, мне мешал характер: я мизантроп и интроверт, я не люблю общаться, а весь бизнес больших мальчиков и девочек построен на личных связях и на том, что между грызней и попытками друг друга утопить требуется вести диалог.

Продавать свои услуги мне претило: мешала семейная гордыня. Дочь древнего ведьмовского рода приравнять к безмозглому оружию?! Нет уж! Я, конечно, могу проклясть кого угодно, но и приговор я вынесу сама!

Вот и приходилось мне, сидя фактически на потенциальной власти и богатстве, крутиться, чтобы на что-то прожить. А важнее того – изворачиваться, чтобы придумать, куда стравить излишек магии.

Ибо избыток нашей семейной силы, да вкупе с нашим же семейным характером...

Решение проблемы я отыскала случайно. Я тогда только-только расширила дело и искала продавца в магазин: не царское это дело, сапоги тачать – уж больно хреновая обувь получается.

Помню, найденная через биржу труда ледащая девица ужасно меня раздражала. Взяла-то я ее потому, что мне все равно было, кто за прилавком встанет, лишь бы не я. Но она всего боялась, вечно дрожала и от страха разогнуться не могла. Так и хотелось встряхнуть ее хорошенько, чтобы расправилась.

Ну я и не удержалась, рыкнула. Еще и силы в нее подала – чтобы перестала меня бесить, как сдутый шарик. Просто силой, чистой, не оформленной, без посыла разрушительного или созидательного (что в моем корявом исполнении привело бы к еще более негативным послед-

ствиям, потому что зло свое я четко держу под контролем, а вот добро причиняю неконтролируемо).

Природная энергетическая защита Ирины Карпенко была подавлена моей агрессией, да и сама по себе была слабой – жиденький поток ее жизненных сил хлынул ко мне через пробой и тут же отшатнулся, сметенный напором моей силы, повинующейся идиотскому желанию «накачать шарик».

Но, когда моя сила попала в замордованную и зашуганную женщину, я отчетливо увидела внутри нее тень. Густое чернильное пятно в тонком теле. Что это, я разобрать не сумела, установила только, что происхождения оно стопроцентно не магического (еще не хватало конкурентку на своей территории терпеть!), мысленно отметила, что диагностом мне не быть (плюс один антиталянт), но Ирину заполнила, как флакон – под крышечку.

Распирать меня стало меньше.

Ирина вроде бы даже слегка распрямилась. Едва-едва. Самую чуточку. Чернильное пятно в районе ее половых органов на следующий день стало самую малость светлее. Самую малость – почти не ощутимо.

«Хм!» – сказала я и как следует это обдумала.

В окружающую-то среду силу бесконтрольно сливать нельзя, это как утечку радиоактивных отходов рядом с собой организовать: во-первых, фонит-с, а во-вторых, никогда не знаешь, в какой момент тебя похлопает по плечу разумная форма жизни в виде сиреневой слизи со щупальцами. Сила меняет.

А если вливать силу в человеческий организм – такой, которому будет на что потратить этот внезапно свалившийся ресурс?

Результатом раздумий стала лично мной разработанная методика передачи сил, и я ей заслуженно гордилась: до меня таких извращений никто не делал. А если кто и делал, с широкой общественностью не поделился, чтобы не позориться, вот и я буду молчать в тряпочку.

Ирина проработала у меня четыре месяца в совокупности и в один прекрасный день хлопнула дверью после очередного скандала: наконец-то нашелся врач, который счел ее опухоль операбельной, а стерва-хозяйка отказалась дать ей больничный, и даже отпуск, и даже за свой счет! И она решила, что шанс на жизнь – дороже. И ухватила за него зубами. Но главное – она распрямилась. Вера в то, что ее жизнь, возможно, еще не окончена, подтолкнуло ее к пониманию, что незачем растрачивать эту жизнь на работу в третьесортной лавочке за гроши и унижения.

Мне тоже хватило ума не пытаться доводить дело до полного выздоровления: как только клякса перестала откликаться на мое вмешательство – выпнула больную в объятия традиционной медицины. Пусть лечат быстрее надежными средствами без моего шаманства из говна и палок, пока ситуация обратно не качнулась!

Я к тому времени уже успела продумать обрядик – небольшой, накроет только Крапивин, – который сам будет приводить ко мне в магазин болезных из числа тех, кто подходит под нужные условия, и собрала для него все необходимое, а как Карпенко покинула мою черную обитель – так в ту же ночь и провела.

Задумку свою доработала напильником и осталась удовлетворена.

Метод требовал виртуозного владения собственной энергией, потому что вся логика ситуации диктовала обратную схему поведения и сила так и норовила взбрыкнуть и потечь от пациента обратно к донору в тот момент, когда внимание приходилось удерживать не внутри себя, а вовне: скандал сам себя не поскандалит.

А заодно отвлечет внимание реципиента, объяснит повышенную бодрость после каждой процедуры всплеском адреналина, отобьет решимость задержаться у меня в подчинении дольше, чем это необходимо (а сколько необходимо, я и так прекрасно удержу).

И самое главное – избавит от желания приписывать мне что-то хорошее.

Если кто-то заметит чудо, он не свяжет его с настолько неприятной теткой, а быстро подгонит под ситуацию другого чудотворца.

То, что доктор прописал.

Я не хочу проблем ни с толпами страждущих исцеления, даровать которое все равно не в силах, ни с инквизицией, которая в этих толпах может углядеть нарушение мною клятвы сохранять магию в тайне.

Именно на этой глубокой мысли я и обнаружила, что положительная динамика у Ленки поменялась, – и если раньше я прогнозировала месяц-другой воздействия, то теперь... Не знаю, надо смотреть, какой отклик будет завтра, но по ощущениям месяца три. А там как бы и не четыре.

– Лена, у тебя что-то случилось? – оборвала я скандал.

– Не ваше дело, Ксения Егоровна! – рявкнула Леночка. – Помою я ваши витрины! И возьмите уже уборщицу в штат!

Тёминой, кстати, хватает твердости духа давать мне отпор. Она огрызается на несправедливые придирки, отказывается выполнять неуместные поручения и по складу натуры воин и боец. Не то чтобы это что-то меняло, но так интереснее.

– Не мое – так не мое, – согласилась я.

Если завтра ситуация не изменится – сама гляну.

На этом я развернулась и покинула торговый зал.

У меня здесь и помимо Леночки дел полно.

Вон, свежий товар приехал. Надо накладные оприходовать, обновление на сайте сделать.

А еще – по группам пройтись, сформировать заказы, ответить покупателям, съездить на почту.

Я достала телефон и набрала номер.

Глава 2

Максим

Выдавая мне задание, отец Игнатий предупреждал: крапивинская Хозяйка с прилажью. Я отнесся к его словам скептически: отец Игнатий, на моей памяти, ни одной представительницы прекрасного пола не одарил добрым словом, вне зависимости от того, сражалась она за нас, за противника или жила мирной жизнью обычной женщины.

Но Ксения Егоровна действительно оказалась с левой резьбой по всей кукушечке. Определение «с прилажью» ей отлично подходило, емко характеризую объект по всем параметрам.

На физиономию Свердлова Ксения Егоровна, числившаяся в реестрах Ордена Хозяйкой города Крапивина, оказалась так себе, ничего особенного, но фигуристая: сиськи выпирают из делового пиджака, задница такая, что... Не будем о заднице, я при исполнении.

Этим достоинства и исчерпывались.

Продавщица, которая все то время, что я ждал госпожу Свердлову, старательно отрабатывала свою зарплату, заливаясь соловьем о чудодейственном ассортименте их прекрасного магазина магических товаров (я еще при входе проверил: ничего из магических товаров в их магазине не было), при виде хозяйки притихла, прижалась к стеночке и старательно не отсвечивала, пока мы не ушли. Явно крови работодательница попортила ей немало.

На меня же Ксения Егоровна смотрела так, что я было решил: слаба на передок. Потом, правда, дошло: это ж она сколько немотаных нервов перед собой увидела!

Характер у Свердловой был препаскуднейший.

В итоге, из моего жеста доброй воли получился цирк с конями: Ксения Егоровна показательно била копытами, я изображал что-то среднее между укротителем и клоуном.

А всего-то, что попытался проявить вежливость и не работать на чужой территории за спиной местной власти. Чин чином пришел, изложил дело, попросил содействия... И получил ведро помоев на голову.

Ладно, хватит. Лучше думать о деле, чем об этой жопастой с-с-с...

Удивительно правдива все же истина, дошедшая до наших дней еще со Средневековья: ведьму делает не сила, ведьму делает характер!

Навигатор вел меня по летнему городу, а я пытался взять себя в руки, абстрагироваться от раздражения и направить мысли в рабочее русло.

К черту ущемленное самолюбие, потом финансовый отдел Ордена вздрючу за попустительство.

– Не будь она одаренной, я бы и внимания не обратил на этот труп. Ничего примечательного в целом. Если бы полгода назад я не вскрывал такую же барышню. – Кирилл Андреевич Левашов, судмедэксперт крапивинского бюро судмедэкспертизы, методично уничтожал свой обед, попутно объясняя мне, что именно побудило его вызвать инквизицию. – Такую же – я имею в виду, слабую и неиницированную.

Мы сидели в кафе неподалеку от крапивинского морга и с толком распоряжались Левашовским обеденным перерывом.

– Вот и зацепился вниманием. – Кирилл Андреевич отрешенно покрутил вилкой в воздухе, подбирая слова. – Обе женщины были убиты ножом в сердце, но одну ударили со спины в положении стоя, и она, скорее всего, не ожидала нападения: следов сопротивления не было. Вторую – в грудь, между третьим и четвертым ребром, удар был направлен вертикально вниз, и жертва, скорее всего, была без сознания в результате удара по голове. Жертвы были раз-

ного возраста, найдены в разных районах города... Впрочем, вы знаете, я отослал вам отчеты. Больше различий, чем сходств. Но обе были неиницированными одаренными, и обе были убиты одним ударом в сердце.

Левашов, сам одаренный, очень слабый, но все же инициированный, за что и был в свое время завербован инквизицией в качестве агента на месте, задумчиво подбирая слова, пытаясь найти логическое обоснование тому, что было напутано ему интуицией.

– И нож вполне мог быть один и тот же: длина клинка не более двадцати сантиметров, ширина у основания, входная рана, характерное осаднение совпадало... Вы ешьте, Максим Владимирович, уверяю, вы такой крошки нигде больше не попробуете! – спохватился Кирилл Андреевич и продолжил излагать сведения о деле. – Это, конечно, не основание утверждать, что нож был действительно один, полно кухонных ножей с такими характеристиками. Словом, сам не знаю, что меня дернуло – поднял записи и нашел сентябрьскую жертву. Эту нашли в промзоне, на железнодорожной насыпи. С ней, к сожалению, работал мой коллега, поэтому я не могу стопроцентно утверждать, что она тоже была слабой неиницированной одаренной, но описание раневого канала совпадало, в возрастной интервал она укладывалась, и нашли ее, как и первых двух, без денег и документов... В общем, дальше тянуть не стал, связался с вашими – я судмедэксперт, а не следователь, – развел он руками. – Пусть специалисты решают, совпадения это или статистика.

Я согласно кивнул: разумно.

– Я могу взглянуть на тело последней жертвы?

– Да, конечно. Я постарался затянуть судмедэкспертизу, так что... Выписать вам пропуск?

– Не надо. – Корочки, дающие право интересоваться ходом следствия, у меня были, но хотелось бы пока обойтись без интереса со стороны официальных лиц. – Так пройду.

– Возьмите, – Левашов протянул мне флешку. – Я постарался собрать здесь всю информацию по этим трем делам, к которой у меня есть доступ. Только сами знаете – у меня нет никаких контактов с магическим сообществом города, и тут уж я вам быть ничем полезен не могу, – слегка смутился мой собеседник.

– Спасибо, Кирилл Андреевич, – вполне искренне поблагодарил я его.

К счастью, у инквизиции хватает информаторов, чтобы не переживать о подобных вещах.

Левашов пообещал написать, когда в морге будет удобный момент для визита с минимумом свидетелей, и попрощался: обеденное время закончилось.

А я остался и все же отдал должное крошке: и впрямь, весьма недурно!

Уже в машине вставил флешку в ноутбук, пробежался взглядом по документам, сделал несколько звонков.

Инквизиция щедра и предусмотрительна, и источников информации у нее больше одного в каждом городе и населенном пункте.

Окрестности я успел изучить накануне, забросив вещи в гостиницу и как следует поколесив по городу, а теперь пора приниматься за работу.

Саврасова Марина Федоровна, погибшая в сентябре прошлого года, проживала с мужем и двумя детьми на улице Ершова, 105, ее отец с матерью жили в частном секторе по адресу Осипенко, 36, а захоронена была на Северном кладбище, номер и схема участка прилагаются.

Навигатор добросовестно отчитался, что ближайшей ко мне точкой является дом, и построил маршрут.

В первую очередь следовало установить, являлась ли она одаренной.

Официально дело об убийстве Саврасовой было закрыто по горячим следам: ранее судимый за убийство с целью ограбления Юрков В.С. дал признательные показания о том, что напал на Саврасову М.Ф., рассчитывая добыть денег на дозу, нанес один удар ножом в сердце

сбоку, орудие убийства выбросил в мусорный контейнер, в содеянном раскаивается и на данный момент отбывает срок в теплых объятиях ФСИН.

Возможно, Юрков В.С действительно убил Марину Саврасову. Возможно, проверка выявит, что одаренной Марина Федоровна не была, и я с чистой совестью перемещу ее вниз в списке вероятных жертв серийного убийцы.

Но пока что это означало только то, что проводить проверку будет сложнее: не стоит зря тревожить чужое горе.

Частный сектор Крапивина встретил узкими улочками, деревьями вдоль тротуаров и беспородной собакой, нахально развалившейся на проезжей части и уступившей дорогу моему автомобилю с видом величайшего одолжения. Сонная благодетность и лавочки под окнами, как в деревне, – так и не скажешь, что в какой-то паре-тройке сотен метров черепашим шагом ползет в пробке транспорт по загруженному шоссе.

Поводил взглядом, разыскивая нужный номер дома. Остановил машину, прошел к окрашенным в зеленый цвет воротам и придавил звонок.

– Здравствуйте, я по объявлению о продаже дома, – сообщил я подошедшей на зов хозяйке.

В принципе, можно было ничего не говорить, а молча уезжать: от пожилой женщины, скрытой от меня слоем листового железа, еле ощутимо тянуло силой.

– Мы ничего не продаем, – вежливо отозвалась она, не торопясь открывать калитку, но мне это было и не нужно, все, что мне требовалось, я видел не глазами.

Так же вежливо, как и собеседница, уточнил:

– Ваш адрес – Лосевой, 36?

– Нет, молодой человек, – судя по голосу, дама сочувственно мне улыбнулась и принялась объяснять. – Вы проехали нужный переулок, вам сейчас вернуться до перекрестка, повернуть направо...

– Большое спасибо! – от души поблагодарил я мать покойной Саврасовой, не слушая объяснений, которые мне все равно не понадобятся.

Мне сейчас все равно на Ершова, 105 – караулить детей Марины Федоровны.

Девятиэтажки на Ершова собрались в коробку, и внутри коробки мерно булькала дворовая жизнь: старики на скамейках, подростки на детской площадке.

Я обвел двор глазами, выбирая, к кому обратиться, потянул на себя силу из медальона, сплетая потоки: симпатия, чуточку доверия, рассеянное внимание – заключительным штрихом.

– Добрый день, дамы! Не подскажете, где я могу найти Анну и Евгения Саврасовых? Наш фонд «Добро – детям» в рамках программы поддержки детей-сирот проводит опрос с целью уточнения, не нуждаются ли они в материальной помощи, – бодрой скороговоркой выдал я, демонстрируя жизнерадостную улыбку.

– Да кто ж в ней нынче не нуждается? – рассудительно отозвались стражи подъезда, оттаивая от сочетания инквизиторского воздействия и удачной легенды. – Вон он, Женечка-то. На площадке, в синенькой футболке. А Анька только-только из школы пришла, это вам на четвертый этаж надо, молодой человек, в сто пятую!

Рассыпавшись в благодарностях, я, уже не опасаясь, что бдительные дамы вызовут наряд полиции, увидев незнакомого взрослого рядом с двенадцатилетками, направился к объекту.

– Евгений Андреевич Саврасов?

Мимо. Ни следа дара.

– Вы не могли бы проводить меня к вашей сестре? Мне необходимо задать ей несколько вопросов, – я мягко усилил нажим, и вихрастый русоволосый мальчишка без возражений встал и повел меня домой.

А через десять минут я уже спускался вниз.

Анна Саврасова, как и ее брат, не имела никаких следов магического дара. Меня ждало кладбище.

Если повезет, там я получу окончательный ответ, была ли Марина Саврасова ведьмой.

Если да, Саврасовы получают свою материальную поддержку: фонд «Добро – детям» действительно существует, а инквизиция не обеднеет от разовой выплаты, хоть их мать и не платила налог Ордену.

Если нет – все равно получают, по праву сродства с бабкой.

Кладбище, где похоронили Саврасову, было в меру ухоженным и тихим. Потрескавшийся асфальт въезда и умеренные заросли в старой части.

– Доброго дня. Вам чем-то помочь? – вежливый мужской голос отвлек меня от изучения схемы.

Что спрашивающий – одаренный, я понял еще до того, как оглянулся, специфика профессии, но кроме этого в мужчине ничего примечательного не было: добродушное лицо, средний рост, полноватая комплекция. Слегка потрепанный мужик чуть за сорок.

– Так вам подсказать чего? – повторил он свой вопрос. – Я администратор, если участок нужный найти или еще что-то...

Логика, в принципе, ясна: те, кто знают, куда идти, схемы не рассматривают. А если не знаешь – то куда проще обратиться к любезному проводнику за скромную благодарность, чем плутать в хитросплетении кладбищенских аллей.

– Спасибо, я уже все нашел, – с вежливой улыбкой отказался я от услуг и под разочарованное «Ну как знаете! Обращайтесь, если чего» в спину углубился в ряды надгробий.

Могила Саврасовой находилась в новой части кладбища, среди таких же свежих захоронений, которым еще и памятники сделать не успели.

Осевший за девять месяцев холм, крест с табличкой. Имя-фамилия-отчество, даты жизни через тире. Я присел, опуская на землю заранее приобретенный букет, на случай если столкнусь здесь с родственниками Саврасовой, да и вообще, человек, пришедший на кладбище без цветов, сразу же возбуждает подозрение – а не по делу ли он тут?

Выпрямился. Постоял, склонив голову и убрав руки за спину. Обошел могилу, провел ладонью по кресту – несколько секунд задержки не критичны, а со стороны похоже, что я для этого и тронулся с места, – и завершил круг, вернувшись на место, с которого начал.

Нити силы, переплетенные с шагами и словами, развеялись, оставив мне ответ.

Я медленно побрел от последнего пристанища Саврасовой Марины Федоровны, прикидывая, как буду искать серийного убийцу, на счету у которого как минимум три не инициированные ведьмы.

Старая часть кладбища дышала покоем и умиротворением, здесь кое-где посадили деревья и куст шиповника, и на нем среди зеленых мелких плодов кое-где встречались нежные розовые цветы, здесь какой-то оригинал засадил цветник надгробия земляникой... Двигаясь меж рядов прогулочным шагом, я составлял то, что мой наставник именовал «планом розыскных мероприятий».

Рабочий день в крапивинском морге уже закончился, и в здании остались только дежурные, когда напряжение в сети внезапно скакнуло, выведя из строя видеокамеры. Охранник в будке на въезде ругнулся и принялся куда-то названивать по внутреннему телефону. Потом ругнулся снова и достал мобильник:

– Андреич, тебе тут пакет оставили, сказали, ты в курсе. Слушай, на будущее, ты предупреждай!

Левашов Кирилл Андреевич выскочил из невысокого белого здания буквально через считанные минуты.

– Спасибо, Леш!

– Да не за что, – ворчливо отозвался охранник. – Но ты реально, Андреич, предупреждай – я его за малым не послал!

Судмедэксперт клятвенно заверил и рысью поспешил на рабочее место, прижимая локтем злополучный пакет: с неба неспешно начинал накрапывать мелкий дождик, капли падали на разогретый асфальт и тут же высыхали, оставляя после себя только запах.

В кабинете Левашова пахло иначе: чаем, бутербродами и – самую малость – формалином.

Нашарив на столе нож, Кирилл Андреевич подцепил клапан толстого плотного бежевого конверта, взрезая жесткую хрустящую бумагу, и дернулся от внезапного звука: я стукнул о раму двери, предупреждая о себе:

– Добрый вечер, Кирилл Андреевич!

– Максим! – сердито рявкнул судмедэксперт, выдохнул, перевел дыхание и вежливо добавил. – Владимирович...

– Извините! – я примирительно улыбнулся и миролюбиво добавил. – Можно просто Максим.

Он посопел, сердито сверля меня взглядом, и вздохнул:

– Чай будешь?

– Буду! – согласился я.

Во-первых, мне было слегка неловко, что испугал человека, но что поделать, эти чары лучше ложатся, когда о присутствии колдующего не знают, а во-вторых, побегал я по городу сегодня изрядно.

Чай пах умопомрачительно, окрашивая кипяток в густой красновато-коричневый цвет.

– Камеры тоже ваша работа? Угощайся, – Левашов подвинул ко мне тарелку с бутербродами.

– Моя! – я вгрызся в сооружение из хлеба, колбасы и огурца, с наслаждением чувствуя, как проглоченный кусок рассасывается пищеводом, не успев добраться до желудка. – И давайте на ты!

– Ну, меня тогда Андреичем можешь звать, – согласился он, нарезая тонкими кружками помидоры и выкладывая их поверх брынзы, и, посмеиваясь, подвинул мне один. – Ешь-ешь, огурцы-помидоры свои, брынза домашняя!

Чай оказался крепким и сладким, брынза – в меру соленой, а помидор – мясистым и спелым.

Примерно так я и представлял себе гастрономическое счастье.

Я вдумчиво жевал, на практике убеждаясь в том, что уже отметил индикатор ядов в одном из колец. Тонкая полоска серого, словно припыленного металла, видимая только братьям по Ордену по умолчанию и в фоновом режиме проверяющая всю мою пищу, уверенно сигнализировала о высочайшей свежести продуктов и их отменном качестве.

Даже неловко сделалось: человек со мной от всей души ужином поделился, а я его – пугать. Но тут не в моем желании дело: невидимость – капризная штука, от внимания ее труднее удерживать. Поймав за хвост желание еще раз извиниться перед коллегой, убедился, что в кружке пусто, бутерброды съедены, и со вздохом резюмировал:

– Пора за работу. Где там ваши санитары?

– Отослал. Не помешают, – заверил Кирилл Андреевич. – Идем.

Судмедэксперт провел меня в прозекторскую, помог переложить тело на стол и по моей просьбе покинул помещение, заперев дверь снаружи. Когда мне понадобится выйти – я его позову. Ну, или сам дверь открою, не велика проблема.

Старый, не единожды проверенный в деле диктофон повис на шее на заговоренном шнурке. Письменный отчет наберу потом, а пока – так.

Личность третьей жертвы до сих пор не была установлена, по крайней мере, ни у одного из моих источников таких сведений не было, вот и лежала сейчас потеряшка с биркой на ноге и на столе в прозекторской, под холодным и ровным светом, и не обивали пороги безутешные родственники в желании получить тело, чтобы предать его земле.

В отчете Левашова было сказано, что ее убили ударом в грудь, предварительно оглушив. Тело обнаружили в парке, там же, скорее всего, и убили. Полицию вызвали местные собачники, к моменту приезда следственно-розыскной бригады с момента смерти прошло не менее шести часов. Позднее экспертиза установила, что смерть наступила в районе полуночи. Денег, документов и иных ценностей при погибшей обнаружено не было.

Все эти сведения я вспоминал, методично выстраивая защитный контур для первичного изучения умерших, модификация Давыдова, для незащищенных помещений и приводя в рабочее состояние служебные артефакты.

А когда закончил – отмахнулся от всей информации, полученной ранее, забыл. Сознательно запер в памяти, чтобы не мешала работать.

Встал позади головы покойной, потянулся к медальону, а затем медленно пошел вокруг стола с телом молодой женщины, внимательно разглядывая ее, формируя впечатление.

Шаги были неспешными, и, впечатываясь в камень пола, они словно отматывали назад состояние этого тела – до тех пор, пока наконец сквозь смерть и трупные изменения не начала проступать та женщина, которой она была при жизни.

Красивая – раз. Не природной красотой, а, скорее, ровной уверенностью в себе и умением себя подать.

Спокойная – два. При жизни она была мощным якорем, источником покоя для своих близких.

Разумная – три. Рациональность была важной ее составляющей, и, следуя за ней, она не испытывала дискомфорта и внутреннего сопротивления.

Поняв, что еще на два витка моих сил не хватит, да и не дадут они ничего, пожалуй, я остановился в изголовье, пережал поток силы, и через несколько ударов сердца ощущение личности пропало, оставив тело, тронутое смертью, лишенное души.

Легкая дурнота и мельтешение цветных пятен перед глазами – как плата за использование заемной силы. Переждать.

Что ж, однозначно можно сказать, что это тело пусто: не задержалась обиженная душа, не подселился никто из тварей, питающихся эманациями смерти. Уже плюс – работать дальше можно, не опасаясь сюрпризов.

Щелкнул кнопкой записи на диктофоне:

– Пятнадцатое июня * года, город Крапивин, дознаватель первой степени Ордена инквизиции Максим Владимирович Соколов проводит посмертное изучение тела неизвестной с целью установления примененных к ней магических техник. Первичное исследование объекта показало: признаков фрагментации души не наблюдается, следов посмертного вторжения в виде нарушения посмертных контуров тела не выявлено. Перехожу ко второму этапу изучения.

Я привычно поддернул рукава, попутно активировав защитные и дезинфицирующие артефакты-запонки, и аккуратно положил пальцы на виски покойной, влажноватые и холодные – спасибо холодильникам морга, – и чистые – спасибо его же работникам.

Специфика моей работы такова, что перчатки тут неуместны: необходим контакт с кожей.

Потянулся волей к орденскому медальону, втянул в себя толику содержащейся в нем магии и мягко отпустил ее сканирующей волной. Сила прошла сквозь тело под моими руками и развеялась, подсветив все магические следы, имеющиеся на теле. Я обошел стол, внимательно вглядываясь в свечение и выискивая малейшие изменения индикации.

Диктофон, запись.

– В результате сканирования по методу Ивиной установлено...

Мягкое жемчужное сияние, охватившее жертву с ног до головы, без оттенков цвета и признаков каналов – это оттиск магической силы самой жертвы.

– Погибшая была слабой одаренной, на единицу по стандартной шкале, следов выраженных склонностей в посмертном слежке не выявлено, следов инициации не выявлено. Имеются следы магического воздействия трехсуточной давности...

Судя по характерным следам ауры – это Левашов пытался что-то магичить. Заклинания грубые, громоздкие – явно самостоятельной разработки. И, совершенно очевидно, осуществлялись уже в морге, над мертвым телом и не имели никакого отношения к удару ножом. Это обстоятельство мешало мне с блеском раскрыть дело за неполные сутки и отбыть восвояси. Увы и ах! А ведь как было бы удобно, хоть и немного неловко перед человеком, разделившим со мной свой ужин. Ладно, во имя брынзы с помидорами не буду его жечь, ограничусь допросом. Сыщик, блин!

– В районе раны, ставшей причиной смерти, имеется выраженный магический оттиск, повторяющий форму раневого канала, сила воздействия по шкале от одного до десяти на... – на смертный приговор: след артефакта, которым исследуемой пробили сердце, за это время успел выплести едва-едва до фиолетового, а значит, исходно был однозначно черным. Создание, владение и применение такого артефакта карается смертью вне зависимости от последовавших за этим последствий. – По шкале от одного до десяти на шесть единиц. Иных следов воздействия при первом сканировании на теле покойной не обнаружено.

Что удалось выяснить: искать надо артефакт (возможно – артефактора).

Чего выяснить не получилось: что убийца пытался сделать и получилось ли у него в итоге?

Убийство (как минимум, это одно, но, скорее всего, все три) было явно ритуальным, но ритуала как такового не было. Артефактный нож выступал аккумулятором, сохранившим в себе «заряд» силы, выброс которой произошел в момент смерти.

Хреново сохранившим – по самым оптимистичным подсчетам, не более десяти процентов от выброса. Потери можно было бы существенно уменьшить – но для этого как раз требовались бы ритуалы.

Которых убийца благоразумно не проводил.

Я мрачно затер следы своей работы, свернул охранки и, убедившись, что коридор пуст, вскрыл замок и пошел под протокол выяснять у Левашова, зачем он колдовал над покойной.

– Понимаешь, Макс, – смутился Кирилл Андреевич, старательно протирая очки, – я частенько себе силой в работе помогаю... Нет, ну а что мне с ней еще делать? А так и не во вред, и делу польза! – неизвестно зачем оправдывался Левашов. – Привык с молодости.

Логично, в принципе: что еще делать молодому слабому колдуну, толком не обученному с силой обращаться, если любопытство свербит и приложить куда-то дар хочется? А потом вошло в привычку.

Я, заполняя официальный протокол допроса, вздохнул и покачал головой: ну вот что стоило сразу предупредить? В идеале – в том же донесении, которое отправлял инквизиции, об обнаруженных подозрительных трупях.

– Где вы находились ночью одиннадцатого июня примерно с двадцати трех до часу ночи?

Покончив с формальностями, я убрал документы и, спохватившись, предупредил:

– Андреич, я там от жертвы волосы взял. Если что, не паникуй, это не у вас в морге фетишисты завелись, а мне для дела.

– Хорошо, Макс, – вздохнул Левашов.

Ему явно до сих пор было стыдно из-за идиотского, практически школьного косяка.

– Давай я помогу девушку обратно переложить и побегу уже.

– Давай, – с прежней ноткой меланхолии согласился доктор. – А то еще нам камеры починят – объясняй потом, чего ты здесь делаешь, такой красивый...

Тут несколько смутился уже я. Потому что правильно говорить не «починят», а «заменить».

Третью жертву обнаружили в парке, недалеко от дорожки. В материалах дела было четко указано место и даже приложены фотографии, так что пусть и с трудом, но я его нашел.

Светлый летний вечер еще не успел переродиться в ночь, так что время у меня еще было, и, сжав в кулаке прядку волос девушки, я потянулся к служебному медальону.

Сила медленно, очень медленно сплеталась в поисковое заклинание: пять дней – большой срок. Но сплеталась. Нить соткалась из закатного света, и гула машин за деревьями, и запаха вечерней росы, соткалась – и вытянулась, уводя за собой. И я пошел. Неспешным прогулочным шагом человека, которому некуда торопиться.

Заклинание вывело меня из парка, перевело через дорогу, нырнуло во дворы и просочилось в подъезд.

Я на глазок прикинул: третий этаж, дверь справа – но за путеводной нитью не пошел, обратился к лавочным сиделицам:

– Добрый вечер, дамы! А вы не подскажете, где Наташа живет? – заклинание разворачивалось кольцами, оплетая женщин, вызывая безотчетные доверие и симпатию ко мне. И заодно обещало, что о моем появлении и вопросе они забудут через десять минут после того, как я уйду.

– Наташа? – растерялись дамы.

– Ну да. Красивая, в этом подъезде живет, – я старательно описывал третью жертву такой, какой ее увидел во время работы с памятью тела.

– И-и-и! – понимающе протянула самая бойкая из бабушек. – Не Наташка она, а Лилька! – а ее соседки дружно закивали.

– Лилька, из десятой квартиры, только ее что-то давно не видно, сынок!

– С неделю уже!

– А тебе чего от нее надо-то? – добродушно уточнила первая из бабушек.

Я смутился:

– Ну... красивая. Встретились случайно, я ей сумки помог донести... Сказала – Наташа.

И бабушки, поохав на тему «Вот, Лилька, вот вертихвостка!», поведали мне, что живет она здесь недолго, квартиру снимает, сама она из деревни, но иногда ездит туда навещать мать, деревня называется Григорьевка, и больше они ничего не знают, разве что...

Одна из старушек замялась в тот момент, когда уже решил, что придется ехать в Григорьевку и проводить поиск по родству: кто-то должен опознать тело. Поэтому я чуть усилил нажим, и пожилая соседка Лилии решилась. Рассказала мне, что у нее есть номер телефона Лилькиной матери.

По добытому номеру я позвоню утром. Представлюсь коллегой, скажу, что Лилия пять дней не появлялась на работе... Выясню, почему ее не объявили в розыск, и, если что, осторожно наведу на мысли, где искать. Но не сейчас. В девять вечера в неведомой деревне Григорьевке все равно предпринять вряд ли что-то удастся. Ни к чему ее родным лишняя бессонная ночь.

Глава 3

Ксения

Окей, гугл, как прогнуться перед инквизитором таким образом, чтобы он сразу понял, что они мне теперь всем Орденом по гроб жизни обязаны?

Денис Колесников со школы относился ко мне с легким суеверным пиететом – и не сказать, чтобы это чувство у него возникло само собой. Ввиду очевидной полезности я это отношение всячески культивировала и взращивала – и уже не раз собирала урожай с этой деляночки.

Вот, к примеру, кого другого после просьбы показать все неопознанные женские трупы по нашему городу за год, включая те, кого потом опознали, майор Колесников бы послал – в лучшем случае, а в худшем пригласил бы к себе в кабинет объяснять, чем вызваны такие странные желания.

Мне же – пожалуйста, Ксения Егоровна, в течение дня сделаю.

Сделал.

Лично привез распечатки в конце рабочего дня к моему магазину и, пока я, сидя в его машине, просматривала фотографии, постарался-таки расспросить, осторожно уточняя, кого я разыскиваю.

Я ломаться не стала, «честно» созналась:

– Ко мне сегодня детектив приходил. Частный, чтоб его, сыщик. Фотографии показывал, спрашивал, не знаю ли я кого из этих женщин...

Мне-то что?

Мне инквизиция велела связи напрячь? Велела.

Я напрягла? Напрягла. Содействие оказала? Оказала.

Кто законопослушная ведьма? Я законопослушная ведьма!

А если у инквизиции от моего содействия вдруг какие сложности сложатся – так инструктировать тщательнее нужно было, вместо того чтобы запугивать слабую женщину.

Но речь не о том.

От пулеметной очереди вопросов «А ты их знаешь? А почему приходил к тебе? А что тебя может с ними связывать? А как он выглядел? На чем приехал, описать можешь? Номера запомнила? Почему именно эти трое? Что между ними общего?» – так вот, от этих вопросов я отбилась, удерживая выражение легкого недоумения и выдавая честные (по возможности) ответы.

И даже с более-менее небрежным видом, свернув листы формата А4 в трубку и похлопывая ими по ладони, попросила разрешения оставить себе распечатки – майор поморщился, но разрешил, мол, все равно их для меня и делал, а информация эта не так чтоб секретная.

Я поблагодарила, отказалась от предложения подвезти, куда нужно, выбралась из машины, поправила юбку-карандаш (буквально чуя, куда прикипел майорский взгляд) и уцекала каблуками в направлении своего авто.

Покер-фейс с меня сполз, как только его не перед кем стало держать.

Возвращаться в «Ведмину шкатулку» пока не хотелось: нужно было привести мысли в порядок.

Итак, как мне дать понять инквизитору, что я в деле, но сверху?

Ладно, как с ним хотя бы связаться?

Потому что одна особо самостоятельная ведьма, вышвыривая прочь не-брата Максима, не озаботилась тем, чтобы обзавестись его контактами, на случай если придется приглашать

его обратно. Чем она при этом думала – уточнять не будем, во имя сохранения ведьминского самолюбия.

Истерично взвизгнув шинами, перед магазином остановилась смутно знакомая машина – хамская манера вождения намекала, что знакомство одностороннее, иначе подъезжали бы куда вежливее. Почти сразу надрывно завопил клаксон и завибрировал телефон у меня на соседнем сидении.

Леночка.

– Ксения Егоровна, – мой продавец явно нервничал, и у меня зародились нехорошие подозрения. – Где вы? Мне записать магазин?

У Леночки закончился рабочий день часа два назад, она хотела уйти домой, но не знала, где шляется хозяйка и не собирается ли она задержаться на рабочем месте и еще потрудиться? За мной водилось.

Собственно, именно так я и собиралась поступить, но только после того, как увижу, подтвердятся ли мои подозрения.

– Запирай, – разрешила я. – У меня сейчас дела, потом сама открою.

Хам снова нажал на гудок, не предполагая, куда именно я подумываю ему запихнуть его вопилку.

В магазине мигнул и погас верхний свет, оставив лишь загадочную подсветку оконных витрин, через несколько секунд стукнула дверь, субтильная фигура повозилась с замками и поспешила к машине, за малым не срываясь на бег.

Оставляя за собой шлейф из вины, подавленности и тревоги.

Так. Та-а-ак.

Хлопнула дверца машины, отсекая пассажиров от улицы, но я успела ухватить мужской голос, обвиняющий и недовольный, и женский, оправдывающийся.

Твою мать.

Ну что за вечер такой?!

Номер инквизитора найти удалось легко. Всего-то пара часов грызни по телефону с представителями Ордена, и нужными контактами в меня буквально плюнули – не сомневаюсь, предварительно предупредив своего сотрудника о повышенном к нему интересе, но я, если честно, чхать на это хотела. Поважнее дела есть.

Набрала добытый с боем номер, дождалась спокойного и уверенного «Алло» низким голосом...

Свет включать я не стала, наоборот, в приступе черной меланхолии вырубил витрины, набулькала коньяка в кофе в пропорции один к одному в честь малой победы над Орденом и предавалась ненависти к человечеству.

Не-брат Максим явился красиво: окутанный щитами, втек в помещение магазина, похожий на тень, и сила заклинаний, сконцентрированных на мужских пальцах, отозвалась ломотой в зубах.

И куда быстрее, чем ожидалось: я и кофе допить не успела.

– Ксения Егоровна! – мое имя прозвучало у него бранно и с оттенком облегчения.

– Добрый вечер! – отсалютовала я ему кружкой.

А те времена, когда я пила кофе из «правильных» чашек размером с наперсток, давно прошли, и ароматы натурального кофе и доброго алкоголя, перебивающие даже привычный запах благовоний, вокруг себя распространяла кружка чуть меньше полулитра.

В свете уличных фонарей, падающем сквозь витрину, дознаватель проявлялся ме-е-едленно. Тень стекала с него, открывая взору тускло светящийся орденский медальон на ах-какой-груди, фоныщие силой кольца и безупречный (у меня, по крайней мере, ни единого упрека не нашлось!) костюм.

– Ксения Егоровна! – повторил он.

В этот раз облегчения в голосе было меньше, а раздражения больше.

Ну, извините!

Когда я закончила лаяться с вашей (и нашей!) дивной инквизицией, я была зла и уже не уверена, что хочу с ней сотрудничать.

Дело к ночи, день был мерзкий, я устала... а тут еще он со своим бархатным «Алло!».

Ну и кто меня после этого осудит за то, что я просто рявкнула «Срочно приезжай в магазин!» и бросила трубку?

– Я ожидал, что вас здесь захватили в заложники, как минимум, – многоуважаемый Максим, похоже, был готов осудить.

Пф. Пекли мы таких в печке, едали таких с хлебушком!

На мое «Пф!», он ничего не ответил, молча изучая темноту торгового зала.

Он что, видит, что ли? Я аккуратно убрала ноги со стола и села пристойнее. Пиджак так и остался валяться на стойке, а туфли – где-то на полу, надеюсь, хоть их не видно.

И вообще, я здесь хозяйка, как хочу, так и сижу!

– Ксения Егоровна.

В этот раз получилось устало, и я дернула плечом:

– На стойке, верхний лист.

Он пробежался взглядом по листку быстро.

– Вы считаете, что она может быть четвертой погибшей.

Я кивнула, хоть вопроса его интонации и не содержали.

– Она была одаренной?

Новый вопрос логически вытекал из предыдущего. Я кивнула.

– Инициированной?

Снова кивок.

– Вы были знакомы?

– Я бы не назвала это знакомством. Но да, мы друг друга знали. Картовская Наталья, жила здесь недалеко, на Торцевого, у нее было что-то вроде магического салона на дому, «Снимаю сглаз, вешаю на уши».

– Ксения Егоровна, – серьезное, сосредоточенное лицо не-брата Максима мне категорически не нравилось.

То есть само-то лицо мне нравилось, а магазинный сумрак и коньяк сразу накидывали ему плюс десять к привлекательности, но вот то, что он собирался с этим выражением лица мне сказать, мне заранее не нравилось.

– Ксения Егоровна, почему вы считаете, что смерть вашей знакомой может иметь отношение к серии?

Ну вот, я так и знала! В то время как бедная женщина старается, пашет на ниве следствия, не жалея себя, инквизиции лишь бы только обесценить ее усилия, приплетя смехотворное обвинение в личной пристрастности!

Но драмы и надрыва этому заявлению не доставало, так что и озвучивать я его не стала. Другое что-нибудь придумаю.

Но смотрел дознаватель мрачно: чем-то ему этот труп определенно не нравился.

Вы посмотрите: ты тут стараешься, в зубах на блюдечке ему тащишь, а ему цвет каемочки не тот!

– Многоуважаемый Максим, куда интереснее, почему вы считаете иначе? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Одаренная молодая женщина подходящего возраста, убита ножом. Все сходится.

Я сделала глоток своей ядреной кофейно-коньячной смеси, с интересом наблюдая за инквизиторским лицом.

На самом деле настоять на своем мне было вовсе не принципиально: ну не больная же я на голову, мне самой спокойнее будет спать, если окажется, что Наташка пала жертвой банального гоп-стопа. Хотя тоже, если вдуматься, не фунт изюму.

Но в данной ситуации меня интересовала аргументация не-брата Максима.

Из чисто исследовательского любопытства, признаюсь честно.

– У меня три причины, по которым мне ваша версия не нравится, – криво усмехнулся собеседник. – Первая: различный характер ран. Женщине, которую вы опознали как Картовскую Наталью, было нанесено три ножевых ранения, тогда как три другие жертвы были убиты четко одним ударом. Вторая: Наталья Картовская была инициирована как ведьма, в то время как остальные погибшие – нет.

– Это, кстати, может прекрасно объяснять, почему убийце не удалось справиться с ней с одного удара! – тут же вынырнула я из своей кружки. – Хотя и слабенькая, а все же ведьма. Какая-никакая. Могла почуять, начать сопротивляться...

– И третья причина, – проигнорировал мое сверхценное мнение инквизитор. – Сроки. Первая жертва, о которой нам известно, датируется сентябрем. Вторая – концом января, третья – началом июня. Разрыв между убийствами – четыре-пять месяцев. Если вставить в эту схему вашу Картовскую, которую убили в ноябре...

Оу... Тогда получается промежуток в пару месяцев, и значит, где-то может быть еще одна жертва?

Не-не-не, нет. Мне эта идея не нравится.

– Многоуважаемый Максим, я согласна отозвать свое предложение, – проявила я редкую для меня договороспособность.

Где-то в глубине души понимая, что отзывай не отзывай, а проверять этот вариант инквизитору все равно придется.

– Кстати, Ксения Егоровна!

И если внутри меня жили чахлые зачатки угрызений совести, то от этого вкрадчивого тона они тут же издохли.

– Ксения Егоровна, а откуда у вас эти ориентировки?

Мне захотелось немедленно снова закинуть ноги на стол.

– У старого друга попросила, – вдарила я по его вкрадчивому тону своим гнусным. – Кстати, многоуважаемый Максим, имейте в виду, вас теперь один майор считает частным детективом и заранее недолюбливает!

– Спасибо за помощь, Ксения Егоровна.

И я бы живо встопырила иголки, но вот черт: кажется, инквизитор был зверски серьезен.

Ксюша, ты допилась.

Ксюша, это был некачественный коньяк!

Я даже села ровнее и недоверчиво уточнила:

– Подождите-подождите-подождите! А эпизод с моральной поркой бабы-дуры, сразу не проникшейся важностью задачи, мы что, пропускаем?

То есть скандала не будет, да? Примерно так, наверное, чувствует себя ребенок, который нацелился на баталию с корабликами в ручье, а какая-то сволочь пришла и затопила их все грязными сапогами.

– Ксения Егоровна, уверяю вас, порка – это не моя тема.

Мамадарагая, он улыбался! Клянусь, я видела: у него углы губ подрагивали!

– Если уж вы меня доведете, я вас просто в окно выброшу, – с легкой мечтательностью в голосе объявил этот хам и подлец.

– Первый этаж, – я указала на окно, намекая, сколь нелепы и жалки его угрозы.

– Так потому и не, – с улыбкой обаятельной сволочи выдал инквизитор, а ведь казался приличным человеком!

И как ни в чем не бывало поинтересовался:

– Вас отвезти домой?

– Подите вон! – я с королевским достоинством указала хаму на дверь.

Не терплю конкурентов.

И кстати!

– Раз уж вы признали, что мое содействие было вам полезно, то в качестве ответного жеста, будьте любезны, выясните подноготную гражданского мужа моей сотрудницы Елены Тёминой. Вы ее видели.

Инквизитор, уже нацелившийся на выход, от столь феерической наглости аж остановился и снова развернулся к лесу передом, а я поспешила развить успешный наскок, самым стервозным своим тоном завершив:

– Нет, вы, конечно, можете ничего не делать! Но тогда не удивляйтесь, если вдруг он на своем ведре с болтами на скорости впишется в отбойник. Возможно, я там буду ни при чем. Но вам-то все равно придется это расследовать!

– Ксения Егоровна, – многоуважаемый вагоноуважаемый всем своим видом давал мне понять, как я не права, но мне многие давали понять, что я не права, а потом давали то, что я хочу.

Чей-то там брат Максим понял, что увещеваниями меня не проймешь, и сменил тон:

– Что он вам такого сделал, что вы на него так взъелись?

– Просто конкуренции не люблю, – улыбнулась я наиобаятельнейше. – Если это мой продавец – значит, мой, и нечего пристраиваться к его мозгам со своей чайной ложечкой!

Инквизитор сунул руки в карманы. Пару раз качнулся с пятки на носок.

– Ксения Егоровна, – мягко выдал он, – Угрожать жизни и здоровью человека в присутствии дознавателя инквизиции – не слишком светлая идея. Вы не боитесь, что инквизиция воспользуется этим? Пожалуй, прекрасная мысль! Думаю, вам удастся откупиться от этих законных, обоснованных обвинений индульгенцией, которой ваше семейство так любит трясти перед носом у Ордена...

Я в ответ тепло рассмеялась, вставая.

– Это вам, многоуважаемый Максим, следует бояться, – с оскорбительной снисходительностью заявила я, чувствуя, как сама собой выпрямляется спина и вздергивается подбородок, – того, что я отбуду отмеренное мне наказание и освобожусь, – мой голос уплыл вниз, в холодную ярость. – И когда освобожусь – воспользуюсь разрешением, дарованным мне вашей продажной, насквозь лицемерной организацией! Знаете, Орден стремится присутствовать при реализации столь... неоднозначных индульгенций. Так что, пожалуй, я пойду ему навстречу и любезно позову вас присутствовать, когда буду заживо снимать кожу с обреченного, и вы сможете стоять рядом, смотреть и знать, что это вы дали мне такое право!

Возможно, я слегка перегибала с нагнетанием обстановки, но гордыня несла меня на своих крыльях, лишила страха, обвила, укутала, нашептывая на ухо, что я сильна, что я в пыль разотру всех, кто встанет на моем пути, и Орден пожалеет, что пытался мне угрожать!..

Ну, или это коньяк.

Я не очень их различаю.

Он рассматривал меня с нечитаемым выражением лица.

– Н-да. В таком состоянии вам за руль точно нельзя. Собирайтесь, отвезу вас домой.

Тьфу, гад – такой пафос испортил!

– Многоуважаемый Максим, а существование такси для вас секрет? – вполне кротко поинтересовалась я, будто не у меня только что от ярости дым из ушей валил.

Про конфликт и его причину мы оба демонстративно не вспоминали, будто ничего и не было. У нас один – один, понимаешь ли.

– Ксения Егоровна, ведь вы же точно, в отличие от многих других женщин вашего города, знаете, что где-то здесь по улицам разгуливает убийца. И вам, в отличие от многих, хорошо известно, что сами идеально вписываетесь в группу риска. И тем не менее собираетесь сесть в машину к постороннему мужчине в состоянии опьянения, с притупленными реакциями...

Дивной сюрреалистичности картина: инквизитор в пижонском костюмчике выговаривает босой и пьяной ведьме за пренебрежение мерами личной безопасности.

Эта реальность сломалась, несите следующую!

Но вообще, отеческий (хе-хе, братский!) укор в мягком голосе мог бы кого угодно пронять – а я ничего, держусь.

Правда, пока терзалась муками выбора, какой аргумент эффектней – «откуда маньяк узнает, что именно сегодня я вызову такси и какое именно» или «какая чушь, я от алкоголя только лучше колдую, вбитые обществом ограничения ослабевают», – не-брат Максим поднял руки:

– Ксения Егоровна, давайте помиримся? – он подтянул к себе высокий и узкий стул, которым мы с Леночкой пользовались, чтобы доставать товар с верхних полок, и оседлал его.

Теперь он был ниже меня, вставшей на ноги, и, полагаю, это был прием, призванный унять мою агрессию.

– Признаю, мы не очень удачно начали, и это отчасти моя вина: я не ожидал, что вы так резко отрицательно среагируете на статус Хозяйки, а вы сочли это манипуляциями Ордена и попыткой вас использовать...

Пф, а вот это и впрямь помогло унять мою агрессию: ничто не действует на меня благотворнее, чем признание моей правоты.

– Но мне действительно нужно содействие человека, знающего местную кухню, – без обвиняков признал он, кивнув на стойку, где все еще лежала та самая распечатка. – Ксения Егоровна, пожалуйста, помогите мне. Без политических интриг. Только расследование. Вам ведь самой не все равно, не притворяйтесь, – он глядел прямо, словно предлагая открыть карты.

От этого взгляда, а еще от обаятельной улыбки, которой как бы нет, но она есть, внутри что-то екнуло.

И не надо поминать всуе коньяк на голодный желудок, Ксюша. Не ври себе: не так уж ты и пьяна.

– Давайте я отвезу вас домой, – он улыбнулся чуть более явно, я вздернула нос, готовая отстаивать свою вменяемость, но многоуважаемый Максим меня опередил. – В знак добрых намерений! А на мое предложение ответите завтра, когда обдумаете.

«Господи, что тут обдумывать», – могла бы ответить я, поскольку как раз перед его приездом прикидывала, как напроситься на отвергнутое мной предложение с наименьшей потерей лица.

– Подите вон, – вместо этого царственно сказала я. – Мне нужно запереть магазин!

Инквизитор встал и послушно прошел к двери, провожаемый моим надменным взглядом.

Нет, может, я, конечно, и перегнула – но пусть подождет снаружи, пока я ползаю на коленях, пытаюсь отыскать невесть куда задевавшуюся туфлю.

Половину проникновенной инквизиторской речи эту дрянь нащупать пыталась.

Ага, нашлась, мерзавка!

Я обулась, притопнула, удобно распределяя ногу внутри обуви, и с некоторой грустью вздохнула: через витрину виднелся силуэт инквизитора и мерное движение огонька.

Вот так живешь, считаешь себя сильной и независимой, и тут является... какой-то, и у тебя от него внутри екает. И ладно бы ниже пояса. А то – в груди.

Из магазина я выплыла во всем своем великолепии.

Инквизитор мерно дымил сигаретой и не выглядел задетым очередным моим хамским вывертом.

– Ксения Егоровна, а вы действительно предпочли бы сесть в тюрьму, но не отдавать индульгенцию? – с легким любопытством поинтересовался он, с интересом наблюдая, как я склонилась к замку и пытаюсь в темноте нащупать ключом скважину.

– Пф! – пренебрежительно выдохнула я. – Как-то примерно три столетия назад ваш Орден уже пытался провернуть нечто подобное с ведьмой из моего рода: тогда ее намеренно подтолкнули к совершению преступления, а потом предложили обменять индульгенцию на помилование...

Закончить предложение я не успела, прошитая от макушки до копчика острым чувством опасности, а потом тьму и тишину ночи прорезала вспышка и грохот.

Это лопнуло мое самомнение.

Потому что за то время, пока я пыталась сообразить, что происходит, инквизитор успел обнаружить источник опасности, шагнуть, заслонив меня собой, и выставить защиту в дополнение к той, что раскрылась сама от орденского медальона. И все это одновременно.

Потом он повалился, а я завизжала.

Крик прошел город от крыш до подвалов.

Испуганные птицы поднялись с ветвей, а летучие мыши завопили, меняя курс.

Завыли в квартирах собаки, выгнув спины, зашипели кошки.

А тени, устремившиеся на мой призыв отовсюду, молча и без сомнений хлынули в неприметную подворотню, затопили ее... А пока там кого-то с рычанием, с чавканьем жрали, я подхватила подмышки обмякшего инквизитора и поволокла его туда, где стояла на стоянке моя машина: показалось, что это разумнее и безопаснее, чем снова открывать дверь в магазин. Не уверена, что мне хватило бы хладнокровия возиться с ключами, в то время как вся моя сущность требовала убратся, убратся скорее с этого места.

«Как по городу ночному шла Ксюшенька» – взрослого мужика на руки не подхватишь, и инквизитора приходится неудобно тащить за собой волоком, семена на каблуках.

«Заплетала за собой тропы каменны» – не-брат Максим тяжел, и мышцы пресса подводит от непривычной нагрузки, а скользкая ткань пиджака выворачивается из пальцев.

«Запирала за собой на замки пути» – если просунуть руки подмышки и сцепить пальцы в замок на груди, неудобное бессознательное тело перестает выворачиваться из рук, но семенить становится еще неудобнее, и чем же таким, гады, запустили, что он до сих пор не пришел в себя?

«Отводила ворога в сторону» – укрывшись за без малого тонной заговоренного металла под синей полировкой, можно вздохнуть с облегчением, а чтобы почувствовать себя в безопасности, нужно совсем немного – просто забраться внутрь, и уж оттуда, из безопасности, я объясню людям в подворотне, если, конечно, их к тому моменту не сожрет рать бессловесная, в чем именно они не правы, нужно только найти ключи!

Опустив на едва теплый асфальт инквизитора, я шарила в сумке, настороженно зыря по сторонам, по-звериному контролируя пространство вокруг себя всеми чувствами, и потому четко уловила момент, когда лопнула невидимая струна.

Заклинание призыва рати бессловесной хорошо тем, что это никакое не заклинание – это приказ, оформленная в крик воля ведьмы, дезориентирующая разумных и жестким рывком принуждающая любого зверя и птицу, попавших в зону приказа, явиться и служить своей госпоже, – оттого и бесновались в квартирах домашние питомцы, разве что аквариумные рыбки избежали призыва «в армию».

Оттого и сходили с ума проснувшиеся хозяева, не понимая, что происходит с их любимцами.

Оттого и налетали на людей в подворотне в едином порыве стая бродячих псов, подвальные кошки и крысы – и рвали, пока было кого рвать, и стягивались к месту боя новые «солдаты», чтобы стать на место выбывших.

А раз заклинание распалось, значит, приказ исполнен. Не с кем больше воевать: враг либо уничтожен, либо сбежал из зоны действия моей воли.

Меня сейчас, если честно, устроил бы и тот, другой, вариант. Но первый – немножечко больше.

Я с облегчением откинулась на дверцу машины за спиной, стукнулась затылком и от обиженного мявка сигнализации с легким смешком пришла в себя.

Не-брат Максим очнулся, когда я уже втянула его на пассажирское сиденье, и теперь возилась с ремнями безопасности.

– Н-да, Ксения Егоровна, – прокомментировал он, и я дернулась, выпустила из рук металлическую скобку, и инерционный ремень с тихим шелестом всосался под обшивку. – Серьезные у вас в городе люди...

Отлично, раз пришел в себя – пристегнется сам, и я демонстративно выпрямилась на водительском месте.

– Что это было?

Делать вид, что мне в целом безразличен его ответ, а спрашиваю лишь из вежливости, было глупо, но необходимо: делая вид, я успокаивалась, собиралась и не поддавалась искушению проклясть весь город.

Идея казалась привлекательной с точки зрения личной безопасности, но что-то мне подсказывало, что это будет немного не этично.

– Боевой артефакт, что-то похожее на «Звезду вечности», но не она, – хрипловато пояснил инквизитор и потряс головой, словно вытряхивая из нее песок. – Сколько времени прошло?

Я не ответила, выезжая со стоянки.

– Стойте! – дознаватель дернулся в кресле и зашипел, видимо, чувствуя себя не очень хорошо.

Ну, извините, ваше инквизиторство, я по части лечения очень не очень, чем могла – помогла.

– Да стойте же вы! – рыкнул он. – Нужно осмотреть местность...

– Ну, нужно, – я упрямо сжала губы, но притормозила. Все равно пришлось пропустить проезжающую машину. – Завтра я приеду с семейной книгой и изведу всех причастных надежно, качественно, с гарантией...

– Ксения Егоровна, – мой сосед, откинувшись на спинку кресла, рассмеялся и тут же закашлялся, – Я должен бы вам сказать, что проклятия, в особенности смертельные, запрещены законом...

– Отлично, посадите меня в тюрьму! – расфыркалась я.

– Но скажу другое, – не обратил внимания на мой протест пассажир. – Не капризничайте! Надо было проклясть его, как только он появился.

Вот сразу, как увидела, так и проклясть! Ленке глаза отвести, прах на совочек – и в мусорный бак.

Машины городской службы очищают наши баки каждый понедельник, сейчас не-брат Максим как раз среди других отходов на переработку бы ехал!

В общем, не знаю я, как так вышло, что спустя несколько минут инквизитор тщательно исследовал подворотню, чуть ли не носом ее перепаживая вдоль и поперек, а я семенила за ним как пришитая, мрачно кутаясь в пиджачок, сбивая туфли о неровности асфальта и удерживая над этим хамлом защиту.

– Судя по всему, покушались именно на ведьму. Я там под дверью магазина минут пять в одиночестве курил, пока Свердловва внутри была, – не-брат Максим сидел в моем кресле, устроив ноутбук на моем журнальном столике, и отчитывался орденскому начальству по видеосвязи.

Так вышло: очень трудно отказывать человеку, спасшему тебе жизнь, когда подозреваешь, что это может понадобиться сделать еще разок.

И вот теперь инквизитор, оккупировав кусок моей гостиной – парадокс парадоксов, – работал.

Я, смешно сказать, радовалась.

Нет, я не дала бы это понять многоуважаемому Максиму, но события сегодняшнего вечера пробили широкую брешь в моей системе убеждений. Я привыкла верить, что от всего могу себя защитить.

И верила – до того момента, как чертов инквизиторский выскочка шагнул влево, закрывая меня собой. Шагнул бы вправо – и на том крыльце валялся бы не он, а я. И не без сил, как он, а без признаков жизни.

Это стало для меня откровением, которое я и переживала, забившись в уголок дивана под торшером.

И хотя я понимала, что у не-брата Максима были свои резоны меня защитить, начиная с того, что это его служебный долг, и заканчивая тем, что с меня он планировал поиметь содействие в текущем деле, я испытывала к нему благодарность. И в приступе признательности не мешала одной части доблестной инквизиции отчитываться другой ее части о чудовищном преступлении против всего магического сообщества в целом и против его цвета в моем лице в частности:

– Судя по оставшимся на месте преступления следам, преступник был один, – деловито, с очень уместной озабоченностью на высоком челе, шпарил не-брат Максим как по писаному. – К сожалению, задержать его не удалось: он был хорошо экипирован и для нападения использовал мощный артефакт неизвестного происхождения, который пробил стандартную орденскую защиту и почти полностью исчерпал мои личные щиты. Пока я был в бессознательном состоянии, нас могли бы добить, но, к счастью, Свердловва героизировать не стала, применила ведьмино повеление и вынудила преступника сперва отбиваться от смешанной стаи животных, а потом сбежать с места преступления, а сама в этот момент отступила к автомобилю. Осмотр места происшествия произвел по горячим следам, отчет напишу позднее, если вы не возражаете.

– Сын мой, ты уверен, что мишенью преступника была именно она? – кротко поинтересовался невидимый мне собеседник дознавателя.

Мне был слышен лишь его голос, одновременно глубокий и смиренный, он выдавал мужчину в возрасте, и я почему-то нарисовала себе образ, схожий с ватиканскими священниками.

Максим потер лицо, и жест получился усталым:

– Нет, отец Власий. Расследование не проведено со всей тщательностью, и еще рано делать окончательные выводы. Но, во-первых, у меня нет сейчас таких врагов: в нынешнем деле я еще ничего найти не успел, да я его толком и расследовать еще не начал. А старые дела все закрыты, да и ловить меня по старым делам логичнее не здесь. А во-вторых, преступник не только упустил шикарный момент уничтожить меня без свидетелей, но и, когда Свердловва появилась в поле зрения, атаковал не сразу. Он дождался, пока она запрет двери, лишая ее возможности укрыться в защищенном помещении магазина.

Я незаметно выдохнула: ответ на этот вопрос был весьма важен. Сочти неизвестный мне иерарх, что покушались на члена его Ордена, и город затопили бы инквизиторы. В Крапивин нагнали бы орденцев с недвусмысленным приказом залить город кровью по ноздри, но добыть голову того, кто дерзнул напасть на представителя этой дивной организации.

– Кроме того, сегодня я осмотрел тело третьей жертвы, установил, что ее убили ножом, след которого на пятый день держится в уверенной фиолетовой зоне, – продолжил упомянутый представитель, – Это явный запрещенный артефакт из черного списка. На основании этих фактов считаю необходимым предоставить Свердловой Ксении Егоровне защиту.

– Полагаешь, это один и тот же артефактор? – задумчиво поинтересовались в ноутбуке.

У меня перед глазами отчетливо встали шапочка, сутана, четки... Кинематографический образ священника как он есть.

– Полагаю, надо тщательно расследовать это, – непреклонно отозвался мой, с позволения сказать, гость. – И предоставить ведьме защиту.

Его собеседник помолчал, не иначе как взвешивая резоны (в моей груди тотчас же взметнулся пожар: скоты, я вам зачем налоги плачу?!), и задумчиво уточнил:

– Ты сейчас у нее?

– У Свердловой, – подтвердил Максим, – Но я установил защиту, она нас не слышит.

– Брат мой, – перебил его визави, – ведьма, которая в критических ситуациях бросает повеление, отлично обучена и является жуткой традиционалистской. Ты в ее квартире, на ее территории... Поверь: она слышит.

Непродолжительное молчание.

– Я решу этот вопрос.

И затем:

– Ксения Егоровна, вы не могли бы нас не подслушивать?

Инквизиторский гад слегка повернул голову в мою сторону и терпеливо ждал ответа. Я кожей чувствовала его внимательный взгляд, пока изучала маникюр.

Он, кстати, перипетии сегодняшнего дня перенес вполне достойно.

Пожалуй, игнорировать вопрос и притворяться, что мерзкий старикашка выжил из ума, бесполезно.

– Ну, – уронила я в итоге неопределенно.

– Ксения Егоровна, – кажется, многонеуважаемый Максим правильно трактовал мое «ну». – Не подслушивайте нас, пожалуйста.

Я молчала, отказываясь давать ответ.

Что само по себе и было ответом.

– Ксения Егоровна, – улыбнулся дознаватель, сверкая ямкой на щеке и чертиками в глазах, – давайте я вам взятку дам!

Взятка?

Сомневаюсь, что на глазах у своего начальства мне предложат что-нибудь ценное.

С другой стороны – не сомневаюсь, что подслушивать мне в любом случае больше не дадут: либо усилят защиту, либо будут вести разговоры вне зоны моего влияния.

– И что вы можете мне предложить? – столько царственной надменности в моем голосе было, что римские цезари рядом со мной – дешевая китайская подделка.

– Партнерство, – он снова применил удар ниже пояса, «улыбку-которой-нет».

«Ниже пояса» отозвалось тягучим, тянущим чувством, я отозвалась взглядом, исполненным жалости: он что, правда думает, что я, такая дурочка с переулочка, все брошу и в партнерство поверю?

Многоуважаемый Максим, не обращая внимания на выраженное мной недоверие, продолжил:

– Я предлагаю партнерские отношения до конца следствия, без попыток обмануть, исказить или утаить любые сведения, имеющие отношение к следствию. Вы взамен дадите слово, что не будете пытаться подслушать мои переговоры с начальством, не станете «случайно» проверять мои вещи либо выяснять подробности моей деятельности любым иным способом, кроме прямого вопроса.

Внизу живота заныло требовательно, предвкушающе.

Ксюша, приди в себя! Ну нельзя так млеть от мужика только потому, что он осторожный, умный гад!

Можно! Можно, я же млею!

Ну и дура. Подумаешь, попытался обойти в формулировках: партнерские обязательства распространяются на обе стороны, а не лезть куда не следует должна только я. Что ж теперь, оргазмировать, глядя на него?

Многоуважаемый Максим ждал.

Отец Власий в ноутбуке то ли был отключен, то ли не считал нужным вмешиваться.

Я плавно, вальяжно приблизилась к инквизитору, оперлась руками на журнальный столик (декольте, выноси, родимое!) и, оказавшись с собеседником нос к носу, со стервозной улыбкой потребовала:

– Оба!

Он вздернул бровь непонимающе.

Да-да. Я с детства такая наивная, всякой обаятельной брови верю.

– Слово о невмешательстве дадут оба партнера, – прояснила я свою позицию.

Знай наших!

Я кремень!

...а не сиропная лужа.

Не сказала бы, что мое декольте его прямо уж вынесло, но поправку принял.

– Я согласен, – он поднял руку, на кончиках пальцев разлилось голубоватое сияние. – Слово!

Я, ответно вскинув руку, твердо и напористо ответила:

– Слово! – и снова оперлась на столик.

У инквизитора дрогнул угол рта в улыбке:

– Ксения Егоровна. Другое слово.

Я прикусила щеку, чтобы не заржать, и, потянув на себя дар, призвала силу в свидетели:

– Слово, – и на этот раз сияние лизнуло и мои пальцы.

– Ну? – требовательно спросила я, когда след клятвы растаял.

– Я дам вам прочитать свой отчет. Сегодня напишу – завтра дам. И завтра утром обсудим меры по обеспечению вашей безопасности, нужно согласовать, как нам действовать, чтобы не страдало расследование, но и вы испытывали минимум неудобств.

Божечки, еще чуточку – и я поверю, что благословенную инквизицию волнуют мои неудобства!

Закатывать глаза не стала, но всем лицом дала понять, сколько у меня доверия к таким его словам. Но завтра – так завтра, я не спешу. И так ночь-полночь, а меня еще вся Ксюша не обихожена.

И с этой мыслью я поплыла в направлении спальни, чтобы оттуда перебраться в ванную, но спохватилась: я что-то забыла.

Ах да, у меня же гость!

Выдернула из стопки в шкафу свежее постельное и с мстительным удовольствием запустила им в инквизитора: не проклятие, а все равно приятно.

Объявила:

– Постелишь себе здесь, – я неопределенно покрутила кистью, показывая, что ничуть не стесняю его в выборе места и он может расположиться где угодно: на диване, в кресле, на полу... – Захочешь жрать – найди что-нибудь на кухне.

Ай да я!

Ай да хозяйка!

Ну все, долг гостеприимства исполнен.

С этой приятной мыслью я уплыла в направлении своей комнаты, чтобы услышать, как отец Власий за моей спиной иронично подал голос:

– Какая благодарная женщина!

– Традиционалистка! – с интонацией «это все объясняет» сумничал не-брат Максим.

Расслабляясь после тяжелого дня в ванной в ароматной пене, сквозь томную негу и блаженную усталость я спустя некоторое время услышала, как мой гость шерудит на кухне. Он действительно захотел жрать, пошел и нашел.

Я кусала губы, чтобы задавить смех и согнать улыбку, расплзающуюся против воли до ушей: на-а-аглы-ый!

Классный.

Когда я закончила отмокать и перебралась в спальню, инквизитор работал.

Когда я, совершив ежевечерние пляски с бубнами вокруг женской красоты, укладывалась спать, он работал.

И только когда моя кровать прогнулась под дополнительным весом и в темноте меня обдало жаром чужого тела, я поняла, что работа закончилась.

Замерла, не разворачиваясь к нему, но и не прогоняя.

Мужская ладонь легла на мое бедро. Сжала тонкий батист простынки – и немного меня под ней, и я сглотнула от окатившей меня горячей волны.

Ткань неспешно, неторопливо поползла по коже, чтобы быть откинутой в сторону.

Я замерла. Сердце колотилось в горле, разрываясь от нетерпения, предвкушения и – черти меня раздери, если я знаю почему! – страха.

Я, замерев, лежала на боку, не смея шевельнуться, не чувствуя прикосновения позади, но всей спиной ощущая присутствие.

Когда на голую кожу легла инквизиторская рука, это было как удар молнии.

Он сжал бедро, огладил круговым движением. Снова сжал.

Я закусила губу, чтобы не закричать: темнота моей комнаты, жар летней ночи, с которой больше не справлялся кондиционер, его молчание, мое согласие – вся эта ситуация обострила до предела ощущения. Я вся стала – единый нерв, и этот нерв дрожал от нетерпения.

Он просто гладил меня по бедру, а у меня плавилась кость и готово было выпрыгнуть из груди сердце.

Рука скользнула ниже, пальцы погладили живот, очертили вокруг пупка – мой пульс стек поближе к этим пальцам, предатель, и толкался в них, напрашиваясь на ласку.

Пальцы невесомо погладили гладкий лобок – пульс следовал за его пальцами, я забыла, как дышать.

Ниже, ниже... Туда, где сходятся половые губы. Провели по ним – легко, почти неощутимо, но меня жидким огнем окатило от этого «почти».

Скользнули меж сжатых ног. Я не могла пошевелиться, хотя единственным моим желанием было выгнуться, развернуться, открыться навстречу...

Он раздвинул складки, погладил чувствительную плоть.

Пальцем – поверх входа, раз, другой, третий. Без нажима, но уверенно. Еще раз. Снова. И, надавив, скользнул внутрь.

Замер. Я зажмурилась так, что звезды посыпались под закрытыми веками.

А палец скользнул внутрь – и назад. Туда-сюда. Еще раз.

Я молчала, сцепила зубы и молчала. Хотя единственное, чего мне хотелось, заорать: «Да, да, да! Возьми меня! Просто сделай это! Ты же видишь, что я согласна! Что я хочу!»

Глава 4

Проснулась я от сокрушительного оргазма.

Да, мать, ну ты дала!

То есть дала бы, если бы брать пришли.

Но с этим, к сожалению, полное отсутствие всякого присутствия.

То есть – к счастью, конечно!

Не хватает еще, чтобы меня без спросу тут того-этого!

Ну, судя по сновидениям, и правда, не хватает.

Ой, все!

Я перевернулась на живот, перевернула подушку, укуталась в простыню, как в кокон, и отрубилась.

Проснулась непривычно рано: серый котик-рассвет еще только трогал заинтересованно лапой город.

Из-за двери в гостиную доносились звуки: равномерные сильные выдохи. Потом пауза – и снова ритмичное дыхание, но уже в другом темпе. Кажется, кто-то делает зарядку.

И можно бы выползти из постели и попыриться на инквизитора одним глазком, но, кхм... Кое-кто здесь, можно сказать, полночи на него пырился, и глаза не понадобились, прямо внутри черепа такие картинки транслировались – м-м-м, закачаешься!

А какой эффект присутствия!

Так что теперь сделаем выбор в пользу эффекта отсутствия.

Нет, я не испытываю никакой неловкости!

Просто... спать хочется! Во-о-от.

Второе пробуждение было уже ближе к делу: свет за окном и будильник в телефоне давали привычную информацию. На всю квартиру пахло жареным мясом.

Натянув на себя какую-никакую одежду (а без дознавателя в доме хватило бы белишка!), я исполняла утренние ритуалы, детально прорабатывая План. План, как я приду на кухню и отожду у не-брата Максима завтрак, потому что это моя кухня, моя плита и, что самое главное, мой холодильник.

Я даже оставлю ему половину – не совсем же я зверь! Он же все же готовил.

Отличный план.

На случай если инквизитор с ним не согласится, у меня был план Б: сожрать йогурт из холодильника, в процессе делать вид, что не очень-то и хотелось.

Но сначала все же попробовать отжать мясо.

П – провал.

Когда я выплыла на кухню целеустремленной муреной (нет, мурены некрасивые, я буду целеустремленной косаткой), не-брат Максим без лишних слов сунул мне под нос тарелку с овсянкой и здоровенным куском мяса.

Ели молча.

Ведущая местного новостного ТВ-канала в ноутбук инквизитора бубнила:

– Странное происшествие случилось этой ночью в Крапивине с братьями нашими меньшими. Жители Центрального района города, а также отчасти Нового вокзала и ПМК массово жалуются на необъяснимое поведение питомцев. Приступ агрессии, длившийся от десяти до двадцати минут, отметили абсолютно все хозяева домашних животных. К счастью, он не был направлен на владельцев и быстро исчерпал себя, сменившись паникой либо апатией. Пострадавших нет, но вал обращений к ветеринарам в этих районах начался ночью и не утих до сих пор. Несмотря на множество версий, высказанных жителями микрорайонов, внятных объяснений случившемуся нет. Среди наиболее популярных предположений лидирует гипотеза об

испытаниях некоего загадочного прибора на территории военной части. И к другим новостям: вспыхнувший пожар на треть уничтожил гаражный кооператив в районе Станкостроительного завода...

Поняв, что касающийся меня сюжет закончился, я отключилась, пытаюсь прикинуть – это какую же я зону накрыла, и сама не заметила, как закончила завтрак.

Не-брат Максим тоже разделался со своей порцией и объявил:

– Готовим по очереди, посуду моет тот, кто не готовил.

Передо мной стукнула о стол чашка с чаем. Ну да, поллитровая, других не держим.

Я закрыла рот, через который как раз собиралась словами донести до инквизитора свое сверхценное.

Ладно, окей, от плана завести инквизитора-домохозяйку придется отказаться. Вычеркиваем.

Интересно, его удастся на йогурты посадить?

Смерила взглядом жилистую фигуру: без шансов. Ладно, тоже вычеркиваем.

Смирившись с распределением труда и на меня тоже, со вздохом, но вполне миролюбиво уточнила:

– Ты плов будешь? А суп-харчо?

Недоверчивый взгляд не-брата стал мне ответом. А я что? Я ничего!

– Я в детстве составляла список того, что за меня будут делать мои дети! – в неожиданном порыве откровенности заявила я, шуруя мочалкой по тарелкам под струей воды.

Настроение было сытым и благодушным. Я мыла посуду, инквизитор курил и пялился мне в спину.

Честно, в спину. Я же чувствую!

– А подробнее? – ухмыльнулся дознаватель, и я охотно отозвалась, потому что ради этого, собственно, реплику и подавала.

– Ну, во-первых, они должны гладить! С пеленок! И стирать мои кашемировые кофты руками – потому что я это терпеть не могу... И гладить, и стирать руками. Далее... а, вот! Мытье окон – явно детское занятие! Общение с теоретическими родственниками мужа – то же самое. У меня с общением вообще плохо выходит. Стирать пыль! Тоже не люблю. А дети любят, – я с воодушевлением и некоторой даже мечтательностью припоминала подзабытые пункты.

– Чудесный план, – не скрываясь, веселился не-брат Максим. – И что в нем пошло не так?

– Выросла, – с сожалением признала я. – И осознала, что сначала это мне придется делать за них кучу всего...

– Отчет, – положил флешку на стол инквизитор, когда я помыла посуду, стол, раковину, руки – надо было действительно детей заводить еще лет десять назад, и пусть бы это было их проблемой!

– И давайте подумаем, как нам согласовать вопросы безопасности.

– Да что тут думать, – я поморщилась. – Когда я в квартире или в магазине – я в безопасности. Вряд ли мой недоброжелатель готов сбросить на меня авиационную бомбу.

Судя по лицу многоуважаемого Максима, я себя недооцениваю: он бы сбросил.

Я провокацию проигнорировала и продолжила:

– Сегодня проведу черту у порога, и ни туда, ни сюда с недобрыми намерениями не войдут – семейные места. Автомобиль я бы тоже причислила к безопасным, если сомневаетесь, можете осмотреть мою машину сами. Но в целом единственную сложность я вижу в перемещении между этими тремя точками.

– Действительно, какой пустяк, – пробормотал он. – Предлагаю следующее...

Боже мой, ну и скучная же это штука, безопасность!

Ну и зануда же этот инквизитор!

Пятнадцать минут отчаянной грызни, и мы пришли к компромиссу. Компромисс был моего любимого типа: «Поступаем, как я сказала, но все несогласные могут делать в процессе недовольное лицо».

К сожалению, сегодня я оказалась по другую его сторону, и знаете что? Не такая уж и классная штука этот вид компромисса!

В магазин я явилась раньше Леночки – что случается нечасто, ибо слаб человек и любит поспать.

Орденский дознаватель к самому порогу привез, дверь мне открыл и, пока я возилась с замком, загораживал широкой спиной от гипотетической угрозы.

Я вошла, пристроила объемную сумку на прилавок, отключила сигнализацию, развернулась лицом к инквизитору, еще и руки под грудью сложила: стой, мол. Ты не пройдешь!

Победа в безмолвном противостоянии осталась за мной, и многоуважаемый Максим отбыл, а я...

Я еще вчера упомянула, что вернусь сюда с книгой, и утром сказала, что собираюсь колдовать, потому дознаватель от инквизиции и упирался, уходить не желал. Не думаю, конечно, что он имел какие-то дурные намерения с возражениями – если бы были, он бы их до меня донес. Но профессиональный интерес имел.

Не так часто в деле увидишь книгу такой древности и силы, на хранение и применение которой давала мне право еще одна хранящаяся в семье индульгенция.

Я встала на пороге. Солнце всходило где-то правее, невидимое с моего места, а перед моим магазином царило утро, прохладное и умытое, чистое, свежее.

Я собралась и протянула руки вперед и ладонями вверх, так, будто готовилась на них что-то принять. Или как будто на них что-то уже лежало.

Тяжелое, твердое. С шероховатой кожей переплета, с окованными металлом углами.

Знакомый вес оттянул руки, металлическая окантовка переплета привычно врезалась в сгибы локтей, ладоней коснулось тиснение и выдавленные на обложке буквы – и меня снова в который раз пробрало до костей морозом, ужасом, восторгом и возбуждением сродни сексуальному, в который раз – и снова как в первый.

В мозг хлынули слова, и, прикрыв веки, я зашептала то тайное, сокровенное, что полыхало огненными письменами у меня в голове, и шепот полился в мир.

Она приходила всегда раскрытой, и всегда на тех страницах, что нужно, подчиняясь воле и желаниям.

Нечаянный прохожий, случись он вдруг неподалеку в это время, или сотрудник, пришедший открывать соседний магазин раньше обычного, увидел бы женщину с распущенными волосами, которая шепчет что-то, закрыв глаза и держа на весу пустые руки.

Странная, конечно, баба, на всю голову – но хозяйке оккультного магазина можно.

К приезду Леночки я уже стояла у окна, смотрела сквозь витрину на парковку перед магазином, хлебала из эпатажной кружечки в форме черепа обжигающе горячий кофе, чтобы избавиться от озноба, и пыталась вспомнить хоть слово из произнесенных только что заклинаний – и не могла. Бесплезно, никогда не получалось. Эти знания существовали лишь в книге, их невозможно было выучить и запомнить.

Это место мое, мое до последней крупинки земли под ним, и защищать свое – это мое святое право, так что наведение защиты от недоброго намерения не забрало много сил.

Леночку тоже привез мужик.

Светлый «Акцент» затормозил напротив магазина и рванул с места, едва она успела выйти, не дав пассажирке даже дверь толком закрыть.

Я меланхолично тянула кофе, любовалась утром. Настроение было философским.

– Доброе утро, Ксения Егоровна.

Шейный платок, светлая блузка, бежевая юбка-карандаш, туфли на низком каблуке. Мрачное лицо. Стальной характер: Леночке хватает воли и смелости, чтобы не смотреть в зубы ведьме с многолетним стажем. За два месяца я ее под себя не согнула. А какой-то мудила...

– Лен, зачем он тебе?

Надо бы затеять скандал, залить в Ленку сил по уши, и пусть булькает, думая о том, какая я сука, и усваивает энергию понемногу, но... Но озноб еще не прошел, утром меня дважды уложил на лопатки инквизитор, а пятно в Леночкином тонком теле опять увеличилось в размере.

Самое настроение для того, чтобы беседовать с подчиненной на умозрительные темы!

Вопрос получился вполне миролюбивым – не то чтобы прям-прямо, но с утра я агрессию успела изрядно подрастратить.

Леночка, видимо, тоже, потому что вместо посылки в заоблачные дали, который я от нее, если честно, и ожидала, только огрызнулась:

– А вам какое дело?!

– Да никакого, – фыркнула я. – Просто видно же, что он тебе нервы треплет!

Леночка явно была невысокого мнения о моей экспертности в области отношений, потому что она с вызовом поинтересовалась:

– Ксения Егоровна, вы когда в последний раз занимались любовью?

Давненько.

Я прям взгрустнула, вспоминая: в свете недавних сновидений тема была как нельзя более актуальна.

– А ты, Лен?

– А я – в отношениях! – подняла шерсть Леночка. – Я – регулярно!

Мне даже не пришлось притворяться, отвечая на ее вопрос, мне действительно стало грустно:

– Ты ведь меня про любовь спросила, не про секс. Вот и я тебя – не про занятия сексом спрашиваю.

– Ага, а вы прям такая принципиальная и правильная, да?! «Умри, но не дари поцелуя без любви» – вот это вот все, да?! – огрызнулась Ленка, но я видела, что угадала, попала в цель.

– Нет, Лен. В моем возрасте уже как-то и глупо так за принципы держаться. Но занятия сексом и занятия любовью я различаю.

Я допила кофе и ушла свой кабинет без окон. За высоким окошком солнечное утро превращалось в знойный день, а меня ждала тьма работы.

Начала со звонка в курьерскую фирму – договариваться, чтобы ко мне прислали человека на два часа дня. Многоуважаемый Максим выбил из меня обещание не покидать магазин без него, и теперь мне понадобится кто-то, кто вместо меня отвезет сформированные заказы на почту.

Настроение было минорным, и мысли крутились роем от товаров и соцсетей к инквизитору, от инквизитора к моей вчерашней неспособности защитить себя, перескакивали на Ленку, которая знать не знает о своей болезни – и потому я не могу ей прямо сказать, что ее козел усугубляет течение этой болезни, а отправлять ее в больницу на обследование еще рано: по моим ощущениям, то, что ей там наобследуют, будет очень сложно потом объяснить, когда оно «рассосется».

И инквизитор еще, с которым, чувствует мое сердце, сложно будет уживаться в одном доме. Мне там моего скверного характера достаточно с головой, двум точно тесно будет...

Утренний инквизитор – взъерошенный и еще не запакованный в деловой костюм – снова встал перед глазами. Сердце екнуло: хорош он был просто парализующе.

Прислали же на мою голову!

Но каков, а?

Максим

В чем разница между стервой и стервозной? Первая вынесет мозг и ни хрена не сделает, вторая – мозг вынесет, но дело сделает.

Работать что с одной, что с другой – удовольствие не для слабых нервом, но со второй, по крайней мере, в принципе имеет смысл работать. Есть уверенность, что будет хоть какой-то результат.

Свердлова, максимально набив себе цену, в расследование все же включилась.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что достоинств у нее больше одного: помимо сногшибательной задницы, еще и выдающийся бюст. И пока я достоинства рассматривал, свидетельницу чуть не грохнули у меня под носом.

Так что теперь я живу в квартире крапивинской Хозяйки. Там легкий бардак, но в целом вполне приятно. Правда, с сервисом не очень – суровое самообслуживание.

– Доброе утро, – я протянул девушке за стойкой ключ от номера. – Меня некоторое время не будет, но до конца срока оплаты номер я сохраняю за собой.

Администратор в гостинице смотрела на меня с удивлением: номер я снял на месяц, появился в нем вчера один раз и сегодня уходил с вещами.

– Вы уверены? В нашей сети гостиниц большое значение придается программе лояльности, вы могли бы получить возврат существенной части ваших средств... – добрая девушка то ли растерялась, то ли и впрямь переживала о потраченных мною напрасно деньгах.

Я был уверен: у Ксении Егоровны по пять раз на дню буря мглою небо кроет – кто знает, в какой момент «вихри снежные» вынесут меня за порог?

По крайней мере, оттого, что теперь она не может в любой момент отправиться куда пожелает, а должна сперва позвонить мне, договориться о встрече и дожидаться, пока я приеду, и уже потом вместе со мной ехать, куда ей нужно, ведьма впала в ярость. Не знаю, как Свердлова представляла себе процесс обеспечения ее безопасности инквизицией, но орала она как бензопила, хорошо хоть, надолго ее запала не хватило.

О том, что мне нужны ключи от ее квартиры, говорить не стал: лучше немного подождать, чем долго и нудно уговаривать. Эта квартира – семейное гнездо, и хранится там наверняка много такого, что ведьмы не готовы оставить без присмотра. Нетрудно предположить, что одна мысль о посещении ее жилища посторонними в ее отсутствие доведет темпераментную ведьму до искр из глаз секунд за пять.

Дерну ее пару раз посреди ее дел, когда мне понадобится вернуться на квартиру, – сама дойдет до мысли, что это не слишком удобно.

Поблагодарив девушку за стойкой, я подхватил чемодан и отправился к машине.

В целом, свое мнение о Свердловой я все же пересмотрел, и боевое крещение сыграло в этом основную роль. Человека, который в критической ситуации прикрывает спину союзнику и тащит в укрытие, можно рассматривать как партнера.

Свердлова, конечно, следовала за своим настроением, как флюгер за ветром, а то менялось со скоростью цветов в стробоскопе, но вполне тянула на надежного напарника.

А найти алгоритм успешного взаимодействия с ней, в принципе, не трудно.

Достаточно дать ей то, что она хочет, до того, как она начнет это требовать, а потом успеть поймать промежуток, в котором она тебе еще благодарна и не успела дойти до мысли, что так и должно было быть, и выдвигать требования.

Главное – не упустить этого момента, потому что благодарность у Ксении Егоровны держится недолго, и не вступать в переговоры. Условия нужно сразу ставить приемлемые для обеих сторон, давая понять, что торгов не будет. Потому что как только она почует слабость – начнется знаменитая ведьмовская забава «Мотаю нервы, сколько вам клубочков?».

Рассуждая на ходу, я закинул чемодан в багажник, рюкзак и сумку с ноутбуком – в салон, сел за руль и вывел машину со стоянки. Сегодня предстоял трудный день. Нужно где-то расположиться и начинать работу.

Круглосуточное кафе «Соловьиные родники» подошло идеально: удачное расположение в центре, откуда близко до большинства интересующих меня объектов, крытая веранда под раскидистыми деревьями, а значит, днем здесь будет достаточно прохладно, но в тарелку ничего не насыпется, и довольно высокие для провинции цены, а значит, меньше посетителей.

Заказ. Ноутбук, телефон, документы.

– Здравствуйте, вы мама Лилии? Подскажите, как мне к вам обращаться. Я ее коллега, она почти неделю не появлялась на работе. Заранее никого не предупредила, и связаться с ней не удастся. Подскажите, у нее все в порядке?

Раиса Павловна не знала, все ли в порядке у ее дочери. И что делать, не знала тоже.

– Пожалуйста, не надо заранее нервничать и переживать. Трое суток с момента исчезновения – это миф, полиция обязана принять у вас заявление о пропаже вашей дочери в тот момент, когда вы решили его подать. Но для того чтобы оно было более убедительным, постарайтесь собрать всю возможную информацию: позвоните ей по всем номерам, которые у вас есть, обзвоните больницы, морги... Раиса Павловна, я уверен, все будет хорошо. Это нужно сделать хотя бы для успокоения, да. И чтобы исключить эти варианты. Подскажите, как ее полностью зовут? А то мы на работе «Лиля» да «Лиля»... Спасибо вам большое, Раиса Павловна! Держитесь!

Соединение разорвалось, а мерзкое послевкусие осталось.

С неохотой набрал другой номер.

– Ксения Егоровна... В смысле – я идиот? – неохота оправдалась, вопросом я поперхнулся, не успев его задать. – А. То есть запасные ключи мне дать забыли вы, а идиот я?

– Конечно, – с достоинством отозвалась Свердловва. – У меня ключи есть, у вас – нет. Кто идиот?

Ну, так-то да, при таком раскладе что-то в этой логике есть.

Не став заострять внимание на не слишком лестных для меня моментах, я вернулся в изначальное русло:

– Ксения Егоровна, мне нужно полное имя Картовской Натальи, домашний адрес и, по возможности, дата рождения.

Записав нужную информацию вместе с ценной рекомендацией искать не Картовскую Наталью Борисовну, а Стоглазую Натали, могущественную светлую ведунью, я положил трубку.

Вот же... ведьма!

Следующий звонок был человеку, с которым я лично не был знаком, но который давно и успешно работал на Орден, не имея магических способностей и не зная об их существовании.

– Здравствуйте. Мне нужна вся возможная информация о некоторых людях, имеющиеся у меня данные я отправлю вам на почту. Хорошо. Жду результатов в максимально сжатые сроки. Да, без ущерба качеству, разумеется.

Имена нужных мне женщин и даты рождения, точные или приблизительные, которые можно предположить по внешнему виду, улетели в электронный почтовый ящик моего собеседника. Взаимно попрощавшись, мы расстались, чтобы заняться каждый своим делом.

Отправив в Орден запрос на получение всех материалов по делу об убийстве неизвестной, которую Свердловва опознала как ведьму Картовскую Наталью, я загрузил материалы по делам первых трех жертв и погрузился в анализ и сопоставление.

Вторую из обнаруженных Левашовым жертв звали Ольга Сергеевна Волк. Ее убийство до сих пор расследовалось, но, на первый взгляд, общими с двумя другими жертвами у нее по-прежнему были только два обстоятельства: слабый, неинициированный дар и способ убийства.

Но это означало, что нужно просто посмотреть повторно.

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны психически нездоровых лиц».

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны лиц, освободившихся из психбольниц».

«Следственное поручение номер *** по делу ***: отработать на причастность к убийству Саврасовой Марины Федоровны психически нездоровых лиц, судимых ранее за аналогичные преступления».

Следовательские поручения, отчеты оперов по розыскным мероприятиям, протоколы допросов свидетелей.

Сбор и накопление статистической информации.

Звонок Свердловой раздался ближе к двум, когда я подумывал уже сделать перерыв и заказать себе обед. Окрошку, скорее всего: южное лето решило наглядно показать мне, что оно такое, засучило рукава и взялось за дело.

– Я думаю, наш убийца – мужчина, и он одаренный, – без обиняков объявила Ксения Егоровна в гарнитуру на ухе, когда я принял звонок.

– Обоснуйте, – я откинулся на спинку стула и закинул руки за голову.

В целом я тоже склонялся к этой мысли, но интересно было, каким образом к таким выводам пришла она.

– Я читаю материалы с вашей флешки и все пытаюсь понять – как он их находит? Эти девушки не могли входить ни в какие списки, нигде не фиксировались как одаренные – они же непроявленные, таких не фиксируем ни мы, ни вы. Он мог их дар только увидеть.

Пока все, что сказала Ксения Егоровна, звучало довольно логично.

– Но первое, чему учатся все одаренные, прошедшие инициацию, – скрывать дар. Следовательно, просто на улице увидеть Натку и понять, что перед ним ведьма, он не мог. Он должен был об этом знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.